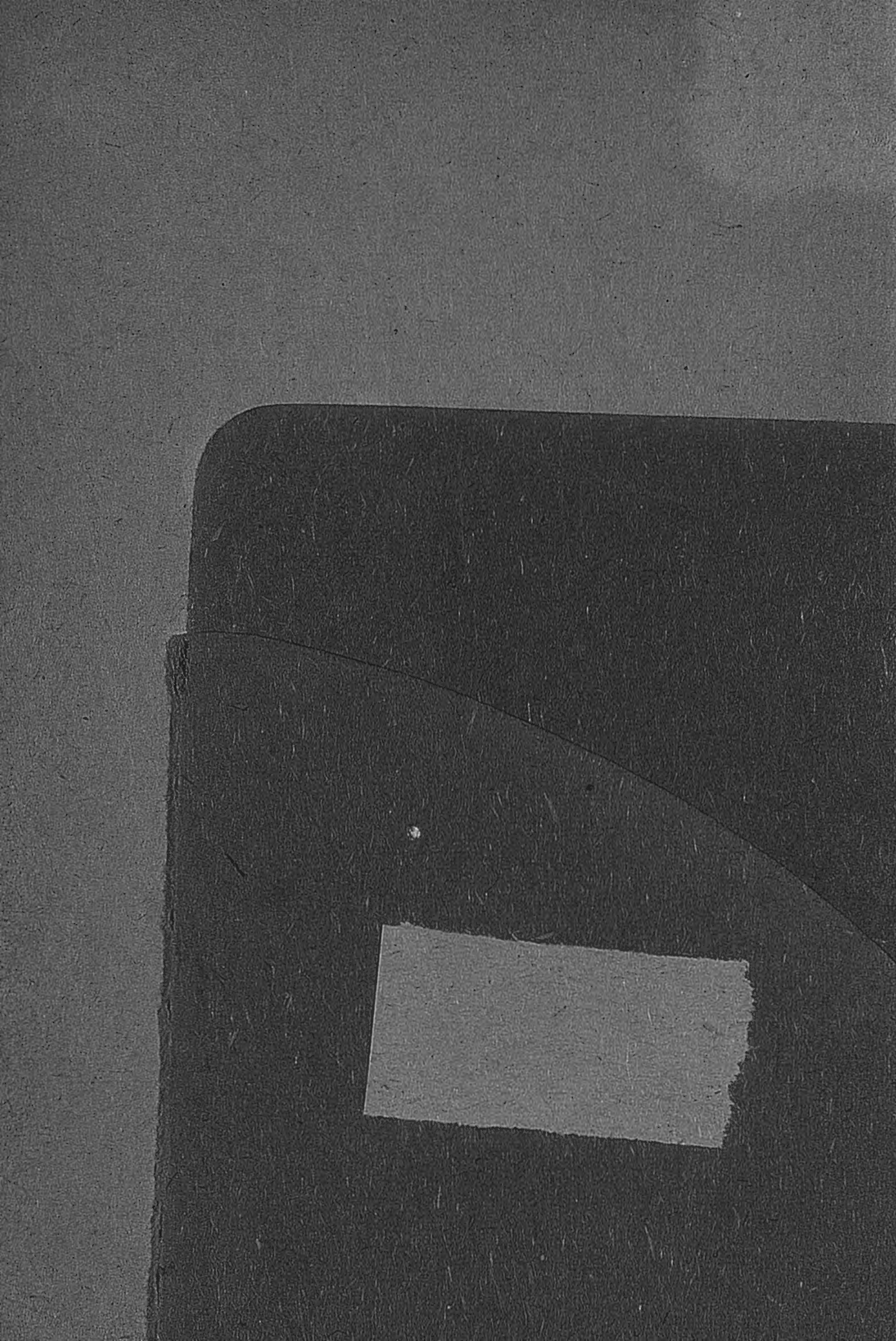
АЯ-ДРУЖИНИНА

ЕЧАЙ-

СТЕПАН РАЗИН

АТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

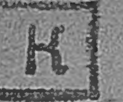
1931 г. № 4 — 6 (288 — 290)

Е. ГЕОРГИЕВСКАЯ-ДРУЖИНИНА

НЕЧАЙ (СТЕПАН РАЗИН)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС. ПОСЕЛЕНЦЕВ

19 Москва 31

Ответственный редактор Н. Ф. Чужак
Технический редактор А. Г. Макеев
Корректор Х. Величко

Уполном. Главлита № В—10.132. Зак. № 988. Тир. 25.100

Типография Профиздата. Москва, Крутицкий Вал, 18

В XVII веке произошло окончательное закрепление крестьян. Вся земля и власть перешли в руки к дворянам-помещикам. Крестьяне не имели своей земли и потому зависели от помещика экономически. Помещик распоряжался всеми продуктами их труда. Дворянин-помещик стоял между мелким производителем-крестьянином и рынком, и вместе с экономической зависимостью укрепилась и личная зависимость крестьян от помещиков. Такой порядок неминуемо должен был вызвать волнения, и мы видим, что в XVII веке постоянно вспыхивали восстания крестьян.

Царем был в то время Алексей Михайлович — второй Романов. Его называли «тишайшим», но вот уж тишины-то было меньше всего в его царствование. Жилось хорошо, конечно, царю да боярам, а крестьянам под их властью было так плохо, что многие добровольно искали смерти. Недаром протопоп Аввакум, который сам жил в XVII веке, писал: «Люди почали с голоду мереть. Приста-

вы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жесткие — огонь да встряска. Люди голодные. Чуть станут мучить — и умрет».

Большой боярин Морозов.

В богатых хоромах, недалеко от Кремля, в Москве, в просторной, богато убранной, горнице, на дубовой скамье сидел старый толстый боярин Борис Иванович Морозов, дядька царя, его воспитатель.

Скамья была так широка, что толстый боярин мог свободно на ней развалиться, а после сытного обеда и вздремнуть. Это часто и бывало. На конце скамьи даже и был «подголовашек»; он открывался и служил вместе и сундуком. Скамья была покрыта нарядным «золотным» бархатом. В горнице скамьи стояли по всем стенам,— обитые коврами и красным «аглицким сукном». Но не только скамьи, по-старинному, были в боярской горнице. В XVII веке в России уже многое перенимали с Запада, и у царя во дворце, и у богачей были и стулья, и кресла; правда, на них никто не сидел, разве на самом большом параде, да для царя ставили обитое золотой ко-

жей или парчей кресло. Считалось богатым, если в доме хоть одно кресло стояло.

У Морозова в горнице было не то-что тепло, а жара такая, как в бане, но боярин сидел в домашней меховой беличьей шубе, на ногах у него были зеленые сафьяновые сапоги, да к тому же и не простые: внутри был вшит теплый лисий мех — лисьи чрева [1]), а зеленый сафьян был расшит золотым узором: кругами, а в кругах серебряные звезды с лучами, а по лучам жемчуга и изумруды. Хороши были жемчуга! Крупные, как слезы. И немало слез капало рядом с жемчугами на богатые сапоги. Сапоги расшивали крепостные мастерицы под надзором боярыни. И каждую криво нашитую жемчужину приходилось обливать горькими слезами. Но на сапогах этого написано не было, и боярин важно клал на лавку нарядную ногу. Поворачивал. Изумруды и жемчуг весело блестели, но Морозов не радовался, а хмурился. В голове у него шумело. И как было не шуметь? Вчера у царя за обедом было пьяным-пьяно. Боярин уже и вспомнить не мог, что за чем подавали.

---

1) Брюшки.

Сначала будто лебеди жареные, а за ними пирог осыпной, а потом жаворонки, а потом будто курник, а потом зайцы сковородные, а потом куры индейские... А может сначала индейские куры... всего не упомнишь... Были и печени бараньи, и ветчина во штях (щах), и куря с лимоном, и заяц в лапше, и ряби (рябчики) жаркие, и лоб свиной, и буженина, и тетерев со сливами, да куря в каше, потрохи гусиные под шафранным взваром... Всего не перечтешь...

Да что ественное! От него в голове не зашумит. Вся штука в питейном деле... И как ни трещала голова у толстого боярина, под усами он усмехнулся. Упились... Все упились. Польский посол еле жив вышел. Под конец насильно вливали. Так у крыльца без чувств в грязь и свалился. Ну, и питей было! Первая подача романея, ренское, да государево винцо (водка), а там меды красные малиновые, белые, можжевеловые, черемховые, с мушкатом, с кардамоном, да брага, да пиво с малиной, да мед цеженый, да вино боярское, да французское... Сначала подавали в серебряных кубках, а потом все, не глядя, черпали ковшами... и что там и было!..

Как в тумане вспоминал Морозов, как два боярина подрались из-за индейской куры — их за ноги вытащили в холодную горницу, а его, и сам не помнит, куда поволокли. Очнулся под утро дома на лавке. А теперь всего ломает. Будто с кем подрался. А может, и было. Может, и вправду подрался?.. На лбу будто шишка. А в ушах, как в поле, ветер гуляет, а в голове будто медведь ревет...

Боярин хлопнул в ладоши. Вошел слуга. На нем тоже была нарядная одежда — красная с позументами, но под кафтаном не было даже холщевой рубахи, а босые ноги были всунуты кое-как в дырявые четыги.

Он вошел и угрюмо вытянулся у двери. У него тоже болели голова и спина, только причина была другая... От плетей на конюшне тоже человека всего ломает, да при этом еще у слуги и сухого куска во рту не было.

— Ключнице скажи,—крикнул боярин,— квасу похолодней, да меду покрепче, потом позовешь писца...

Боярин одним духом проглотил два громадные ковша пьяного меду, потер сизую шишку на лбу и велел писцу садиться за пи-

ванне. Сам боярин писать не любил, для него это было трудное дело.

Писец разложил на коленях бумагу, поставил рядом на табурет чернильницу, взял гусиное перо и приготовился писать под диктовку сердитого боярина грамоту в бояриновы деревни, подаренные Морозову царем вместе с живыми людьми, крестьянами, которые там жили.

— Ну,—говорил боярин,—пиши: взять со всех крестьян с выти [1]) по пуду мяс свиных, добрых и хлебных, а весу-б было туша пуда в полтора, пудовых не брать. Да со всех крестьян с выти взять по гусю, да по ососу (поросенку) доброму. А гуси брать свежие, не лежалые, с потрохами, а велеть бы гуси и потрохи везти бережно, чтобы дорогою не изветрели. Гуси и утки, и поросята прислать мерзлыми, а не живыми, построить чисто, и потрохи, да и перье, и пух, и крылья — все прислать. Да взять бы со всех крестьян по курице с дыму (с избы), и брать курицы добрые, жирные, и молодых кур, а петухов не брать, и велеть пластить, и, натирая солью,

[1]) Выть—надел земли в среднем около 6-ти десятин.

пересушить. Да взять бы с тех же крестьян с дыму по три яйца, свежих, не гнилых, да по фунту масла коровья, и масло брать свежее, доброе, велеть в кади наливать, как лучше с солью, а соли-б класть в меру, чтоб не добре было солоно, а масло было-б чисто и подонья-б не было...

Боярин задумался.

— Чего бы еще с них взять?.. Ну, потом подумаю. Бери другую грамоту. В Мурашкино, приказчику Поздею Внукову — пиши: да взять бы тебе, Поздей, с мурашкинских и лысковских кабаков про мой обиход 500 ведер вина доброго, да вели избить из семени конопляного масла 20 ведер, да по прежнему моему указу прислать 30 пуд. сала говяжьего, доброго, чистого и плотного, да прислать 500 языков говяжьих, соленых, да 500 четвертей муки пшеничной самой доброй. И ядра ореховые, собрав с крестьян по указу, все сполна прислать мне. И взять с крестьян мед оброчный и тот весь мед и воск прислать к Москве-ж. И войлоки, и сукна, и сундуки, по указу, прислать к Москве-ж, да прислать к Москве, сделав 3 бочки возовых уксусу, а с которых моих крестьян по указу идет соль, рыба

и вязига, взять по указу. Да велеть кузнецам сковать 100 удил железных, а в которых вотчинах есть гречиха, из той крупы переделать. Да и оброчные деньги велеть все выбрать, да чтоб ничто у вас по прежнему моему указу забыто не было. А ореховые ядра взять, по моему указу, со крестьян без всякого мотчания (замедления), и будет в которой вотчине по се число ядра ореховые не взяты и вам бы тех приказчиков бить батоги нещадно...

Боярин остановился.

— Ну, написал,— нещадно? — пиши дальше: да во всех нижегородских и арзамасских вотчинах, у кого есть скворцы, собрать у всех и прислать ко мне. Сделать клетку большую и обшить войлоком, чтобы, до Москвы везучи, не поморозить, и не тесно-б им было, да со всех вотчин собрать деревянной посуды: 100 блюд красных, больших и средних, 500 ложек, да еще собрать с крестьян груздей... Да не медли, пиши скорей!

Писец поправил лист бумаги на коленях и еще быстрей заскрипел гусиным пером.

— Пиши: «А ездить за рыбой денно и нощно, а что будет в улове в сады (садки) сажать»,—тут боярин закряхтел; он вспомнил,

что недавно приказчик ему отписывал, что рыбы оброчной нет, потому крестьяне сказывают: вода теперь малая, улову нет... Морозов нахмурился, потом тряхнул головой... «Улову нет. Ну, ин, пиши: что же это рыбы в Оке не стало? Ока-река течет по-старому, зашто рыбе не быть? И то знатно, что своей дуростью и понаровкой (попустительством) ко крестьянам оброчной рыбы нет, а будет твоим нераденьем не вся рыба готова, велю я за ту рыбу деньги взять на крестьянах втрое, да им же от меня быть в большом наказаньи, а сейчас собрать с крестьян 5 рублей денег и на те деньги купить, от'ехав по Оке верст 30 и 50, лещей и стерлядей; лещей в аршин, а стерлядей менее ¾ аршина не присылать»...

Пока писец писал, Морозов насупился еще больше.

— В кнуты их! Найдут, где рыбу ловить... Пиши: и тебе бы, Дементий, с'ездить в Бурцево и учинить Демиду наказание — бить кнутом на сходе и приговаривать: не дуруй, боярского не теряй! Ну, пиши далее: «А как станут пашню пахать, пахали бы в пору, не опоздав, и на-мягко, а если на моей

пашне хлеб будет недобрый, а у крестьян н
их жеребьях родится добр, тот добрый хле
брать с их жеребьев на боярина, а им отда
вать с боярской пашни худой хлеб, а которы
мои крестьяне огуряются (ленятся) и на мо
дело сами не пошли, а ребят прислали, их пе
ред миром бить батогами нещадно на сход
и те дни велеть зарабатывать, а ребят малы
не посылать, чтобы на моем здельи прогулк
не было».

Вот как распоряжался в XVII веке боярі
продуктами крестьянского труда и самим
крестьянами! Долго бы еще диктовал боярин
но в горницу с шумом вошли гости. И гост
были, видно, важные. Старик Морозов сраз
спустил с лавки ноги в нарядных сапога
встал и низко поклонился, касаясь руко
пола.

Но все это он проделал не спеша. Чинн
и степенно. Он ведь и сам был «большой боя-
рин». Воспитатель царя, во всем его совет-
чик! Да, по правде сказать, Морозов-то все
и распоряжался в государстве. Гости такж
важно отвешивали поклоны.

Самым почетным гостем был Илья Дани-
лович Милославский, отец царицы, чванный

спесивый старик. Он не очень-то любил Морозова, хотя охотно отдал за него вторую свою дочь. Как не отдать за такого богатого и сильного человека? Даром, что старик. А девичьи слезы — роса. От золота скорей, чем от солнца, высохнут. Но здесь Милославский прикидывался вот каким другом. Да и вправду многие хитрые дела он вместе с Морозовым проделывал. Хитрый Данилыч никогда даром не заходил. Ему надо было кое-что проведать.

С ним был и родственник его — Иван Богданович Милославский. Этого Данилыч метил в воеводы в Симбирске. Там кормы хорошие. Да и от Москвы не близко. Все не так скоро слух о взятках дойдет.

С Милославскими вошел и еще важный гость, хоть летами и не стар. Афанасий Матюшкин, царев двоюродный брат и любимец. Царь с ним из-за соколиной охоты дружил. У царя важнее дела не было, как сокола да кречеты. Целыми днями с Матюшкиным по полям да по лесам носились. Матюшкин смотрел весело. Ему за царем хорошо жилось. За ним вошло еще два гостя — Богдан Хитрово, такой важный и толстый, что еле в дверь

пролез; другой — князь Иван Андреич Хован-ский, немногим потоньше; а третий — князь Юрий Борятинский, совсем еще молодой че-ловек.

После поклонов и поцелуев гости разва-лились на лавках, а Морозов хлопнул в ла-доши. Вошли дворовые люди с рушниками (полотенцами) и скатертями и стали собирать обедать. Поставили кувшины с государевым винцом (водкой), с медом, с разными квасами и винами, а там пошли подавать кушанья,— кушаний было много: все, ведь, было «свое», отобранное у крестьян!

Бояре ели и пили, с треском разгрызая гу-синые, утиные и лебяжьи кости. Скоро пус-тели и ендовы [1]) с пьяным медом. В горнице стало шумно. Всякий хвастал, чем мог, и боль-ше всего дружбой с царем. Это давало и день-ги и почет, да и от бед укрывало. Но на до-ходы все жаловались. Всем было мало. И ка-залось, что у другого как будто больше было. И это было завидно. Когда Морозов стал жа-ловаться, что ему от безденежья житья не стало, Милославский вбок усмехнулся.

---

1) Чаши.

— А кто те мешает,— сказал он потише, чтоб другие не слышали,— хоть целые горы медных рублей начеканить? Благо, по нашему совету медь за серебро идет. Аль у тебя и меди не стало?

Морозов остро взглянул на Милославского. Ишь, нашептывает! Не проведал ли чего?

— Неладно, Данилыч, как же помимо царева денежного двора тайком свою монету чеканить? За это по голове не погладят. Знаешь, что за фальшивые-то деньги полагается?..

И Морозов опасливо оглянулся. Другие не слыхали ли? Хоть и свои люди, а все лучше поостеречься. Но гости заняты были шумной беседой. «Тараруй» [1]) Хованский что-то врал, а веселый Матюшкин хохотал во все горло.

Зато напрасно не поглядел Морозов на слуг, стоявших у двери. Они-то не пропустили ни слова.

Молча переглянулись. Вот оно, в чем дело! То-то у них под каморкой всю ночь шум да стук, будто чортова кузница! Это, значит, боярин фальшивые деньги кует? Ай да цар-

---

[1]) Тараруй—враль, болтун.

ский слуга! А другим за это дело растопленным оловом горло заливает.

Милославский хитро прищурился и улыбнулся. Он уж выведал, что было надо.

— Зачем тебе, Борис Иванович, самому монету чеканить? Или ты на старости лет худоумен стал? Пошли своей меди на денежный двор, да прикажи тишком для тебя особо медных рублей наковать. Кто царского дядьку ослушается? Да что, думаешь, там у всех руки чисты? А откуда у мастеров денежного двора каменные хоромы повыросли? Что, без нашего, что ли, ведома? Или с тобой не поделились?

—Как не поделиться,— сказал сердито Морозов,— да ведь не со мной одним делятся... Тебя-то ведь тоже, небось, не забывают. Да дьякам, да Ртищеву, да Матюшкину!.. Много ли тут выйдет? Разве и правда своей меди послать? Только языки-то у всех, как на колокольне привешены... Ну, раззвонят?..

— Да, вот, хотел я у тебя спросить,— сказал Милославский, глядя в землю,— не продашь ли мне кузнечного мастера хорошего, либо двух. У тебя, слышно, из Нижегородских вотчин кузнецы пригнаны... А то у меня

намедни Ивашка-то кузнец богу душу отдал. Я его приказал на дровнях посечь, а он возьми да и умри. Ему-то может на том свете и лучше, а мне-то какой убыток! Лошадей подковать некому...

Слуги у дверей опять переглянулись. Знали, что, хоть и засекли Ивашку, а все он успел рассказать, кому надо, про боярские делишки. Отольется лихом боярам Ивашкина смерть.

— Какие такие у меня кузнецы? — сказал, оглядываясь, Морозов, — кто тебе про то сказывал?

Милославский нахмурился.

— Чего передо мной таишься? Боишься, как бы опять в Кириллов на богомолье не пришлось торопиться, как по соляному делу? Так, ведь, я на тебя не доносчик...

Морозов гневно сверкнул глазами. Не любил про это вспоминать. Круто ему тогда пришлось в Соляной бунт. Хотел народ с ним за все его неправды разделаться. Хорошо, что царь его спрятал, а то убойством бы кончилось. Кричали гилевщики [1]), чтобы Морозова от дел прочь отставить и им, ворам, его на

1) Бунтовщики.

суд выдать. Хоромы его начисто разорили. Всё нашей кровью нажил! Не хотим неправедного богатства! Пусть все пожаром горит. А Морозова-кровопийцу смертью казним!» Только обманом царь его и спас. Сам перепугался до смерти. Чего-чего со страху не наобещал! Стрельцам двойное жалованье, а его, Морозова, навсегда от дел отставить, чтобы только голову ему на плечах оставили. Слезами царь его выпросил, икону целовал, всем клялся. А ему тем временем заложили на заднем дворе кибитку да и отвезли втайне в Кириллов монастырь. Два месяца там прятался. Вот какое было богомолье!

— Кто старое помянет, тому глаз вон,— пробурчал угрюмо Морозов: — чья бы корова мычала, а твоя бы, Данилыч, молчала. Гляди, не вышло бы худа с медными-то деньгами...

Тут уж Милославский вспыхнул. Чуть не сцепились старики, да в это время подали на большом блюде два окорока свинины, боярин отрезал по куску от одного и от другого, попробовал, и — вдруг в его глазах засверкал гнев. Он вскочил, застучал палкой и закричал:

— Подать сюда запись! — Слуга подал свернутые листы бумаги, а писец Дементий быстро сунул гусиное перо в чернильницу.

— Пиши, — загремел боярин:

— Нашему человеку, Ивану Владимирову, приказано было, чтобы сделать окорока свиные оба на буженину с чесноком, а он один сделал с чесноком, а другой с луком, а нами велено сделать лопатку с луком, за то вычесть у него из положенного жалования рубль и сечь на дровнях, давая по сту ударов нещадно.

— Написал?

— Да, вот, еще заодно запиши: — Впредь, если кто из наших людей будет высечен плетьми на дровнях, дано будет 100 ударов, таковым от наказания более одной недели лежать не давать, а которым дано будет плетьми по полусотне, таковым более полунедели лежать не давать, а кто сверх того пролежит более, за те дни не давать им всего хлеба и столового запасу (еды), да из жалования вычитать, что на те дни придется без упущения.

Гости слушали, попивая заморское вино.

— Вот это у тебя ладно заведено, боярин!

Ну-ка, пусть писец почитает, как там у тебя записано..

— Читай на эту неделю! — сказал строго Морозов. Писец скороговоркой зачитал:

«Роспись наказаньям.

«Нашим людям: Алексею Крысину за незбиранье кушанья на стол и Матвею Павлову за отхождение из горницы не давать указанного (мясного продовольствия) по неделе.

— Наталье Киселевой за худое мытье наших сорочек не давать мяса весь мясоед.

«У конюха Дмитрия Федорова за лежание им от наказания лишних семь дней — надлежало ему лежать одну неделю, а он лежал две недели, — за одну неделю вычесть из месячины (пайка) муки ржаной 4 гарнца, круп гречневых полгарнца, солоду четверть гарнца, конопель осьмую долю гарнца и мяса 3 фунта с половиной.

«А дворовым нашим людям, которые имеются в Москве отпущенные на оброк и в науке, чтобы, конечно, все по воскресным дням в нашем доме явились, а ежели который хотя один день пропустит, таковых сечь розгами нещадно.

«В московском нашем доме стоять на часах по очереди нашим людям, как лакеям, конюхам, так и поварам и прочим всем безотходно, а ежели кто стоять не будет, то таковых сечь на дровнях, давая по сту ударов нещадно.

«Девке Дарье Степановой за худое топление кабинета нашего не давать в рождество мяса семь дней.

«Фекле Яковлевой за отхождение из нашего кабинета во время нашего почиванья не давать мяса семь дней скоромных.

«Впредь Феклу Яковлеву именем и отечеством не звать никому, а звать ее всем трусихой и лживицей, а ежели кто именем и отечеством назовет, того сечь розгами нещадно.

Клюшнице Домне Фроловой за подаванье нам худых сливок не давать хлеба семь дней»...

Когда писец кончил, все гости и сам хозяин крепко спали по лавкам после сытного обеда, пьяного меда и заморских вин. Морозов густо храпел, широко разинув рот.

Голодные слуги угрюмо стояли у дверей. Ждали, пока пьяные бояре проспятся. Спали

долго. Уже смеркалось. По Москве загудели колокола к вечерне. Первым проснулся от звона Богдан Хитрово. Вскочил, как встрепанный. Разбудил всех. И зевая, топая, чтобы размять со сна ноги, пошел к дверям. Слуги напялили на него громадную шубу и под руки повели к саням. За ним, кланяясь хозяину, полезли в сани и другие гости.

Морозов задержался. Прошел на конюшню поглядеть, все ли исполнено по записи.

Все, конечно, было исполнено.

...Грамоты же с обирательством крестьян шли в деревни к приказчикам, и те нещадно били батогами бедняков, у которых не было не только свиньи, но и курице нечем было кормиться.

Крестьяне падали с голоду и от непосильной работы, но приказчик и слушать ничего не хотел; он знал, что если он не оберет бедняков, по его спине будут колотить палки; ведь, он был тоже не вольный, а крепостной; а кроме того, помещик лишит его доходного приказчицкого места... Откуда же тут было взяться жалости? Кулаку всегда своя шкура дороже. Что было делать беднякам? И вот, собравшись, решили они найти грамотея, и

последних сил заплатить ему, кто чем может, и написать боярину просьбу,— может, увидит их бедность, и не станет требовать, чего у них нет.

«Умилосердись, Борис Иванович,— писали крестьяне,— ведь мы, сироты, кроме твоего большого оброка служим тебе и в кабаках по 30 человек в год, и мельницы тебе строим, и ходит у нас работать на тое мельницу на всякой день человек по 60—70, а иного и по 80. А к плотине ходит и по 100 человек. Да мы же, сироты, строим в Нижнем-Новгороде твои житницы и в те житницы летним и зимним путем хлеб возим. Да мы же, сироты, чистили на тебя черный лес под пашню в селе Богородском, а было нас на той работе 600 человек. Да у нас же, сирот, нынешнего лета саранча хлеб ржаной и яровой на полях поела и в гумнах и огородах овощ и траву поела, а иное градом побило, и оттого мы из твоего большого оброку прибавочного оскудели, и ныне нам твоего оброку платить невозможно, многие из нас, сирот, скитаются по миру. Умилосердись, Борис Иванович, пожалуй нас, сирот своих бедных. Государь, смилуйся, пожалуй».

Но боярин и не думал «смилостивиться». Он, напротив, старался выжать из крестьян как можно больше. Если он будет милостив, откуда же возьмутся свиньи, гуси, поросята, даровые слуги в доме, даровые рабочие на заводах? Да и к чему это ему быть милостивым? Ведь, ему никто не мешает бить крестьян розгами и плетьми нещадно. И Морозов обирал и истязал людей, как и многие дворяне-помещики, а потом по Волге плыли караваны морозовских судов с отобранным у крестьян хлебом, железом и другим товаром.

Морозов торговал и с заграницей. Продавал поташ. Его делали на морозовских будных заводах в Нижегородских морозовских лесах. Тысячи людей слепли там от дыму, умирали от огневицы [1]). Ненавидели Морозова крестьяне и рабочие люто. Каждый бы рад на него, как на злого зверя, итти хоть с ножом и дубиной. Но так и не пришлось Морозову за свои вины ответить. Хоть и требовал народ его смерти в Соляной бунт, ничего царь не исполнил, что с клятвой народу обещал. Да перед кем обещанное выполнять?

---

1) Лихорадки.

Кому царь клялся, тем всем царь головы порубил, а кому голову оставил, того повесил на двух столбах с перекладиной. А Морозов опять вернулся лютовать на Москву и царь его щедро за страх наградил. И деревнями, и людьми, и подарками.

А в 1662 году вспыхнул «медный бунт». Открылись жульнические дела бояр с медными деньгами.

И тут уж плохо пришлось Илье Милославскому. Недаром Морозов его остерегал. Вспомнил Данилыч Бориса Морозова, как пришел народ, да потребовал Милославского на казнь выдать. Царя окружили, за полы хватали, спрашивали: чему верить? И так же, как Морозов, и Данилыч с помощью царя спрятался. Насилу спасся — покрыл царь и его жульнические дела. Только царь уж не стал плакать, а послал за Хованским со стрельцами. Семь тысяч без малого тогда народу перебили. Многих в реке утопили, да после по розыску без счета пытали, казнили, ссылали в далекую ссылку. И от этого опять как будто стало тихо. И опять можно было помещикам и боярам безнаказанно терзать крестьян.

Конечно, не все дворовые ждали, пока их будут драть плетьми на дровнях, и не все крестьяне выносили то, что помещик отбирал у них до последнего зерна весь урожай и всю скотину. У многих в головах прояснело, и они искали другой дороги, другой жизни. Сначала бежать подальше, а там собраться вместе и поставить все на свое место. А помещиков-хозяев и с лица земли стереть напрочь! Чтобы и других не мучили.

И было на Руси тогда такое место, куда можно было убежать от неволи и от мучений.

Далеко течет широкий Дон. Через бескрайные степи. Привольное солнце греет зеленую траву. Там оно не жжет согнутую горем и непосильным трудом крестьянскую спину на помещичьей пашне. На Дону солнце весело светит вольным казакам. Они не сеют, не жнут, не пашут, и этого, как огня, боятся. Так издавна повелось: казаку пашни не пахать, хлеба не сеять. А если кто пахать станет, того «бить до смерти и грабить». Пока на земле пашни нет,— ты вольный казак: а как начал землю обрабатывать,— сейчас, как из-под земли, вырастет за спиной помещик,

чтобы чужим трудом жить. И землю заберет, и человека в неволю возьмет. Вот потому-то казаки на Дону пашни и не пахали.

На Дону.

Шумит вольный Дон. Что ни день, то прибывают туда новые люди. Тут и беглые дворовые с синими знаками плетей на тощих спинах; и крестьяне, замученные жадностью помещика; и крепостные рабочие с будных [1]) и железных заводов. Они худы, как щепки, и молодые кажутся стариками, но это смельчаки, и у них есть голова на плечах. Тут и мелкие торговцы, которым житья не было от бояр и богатых гостей торговых. Каких только поборов с них не брали, каких неправедностей не чинили! А первый торговец, самый скупой и «богатый гость» — это царь Алексей Михайлович. Каких только налогов да пошлин на все у него не придумано! И на соль, и на зерно, полоняночные деньги, и четвертные, и пищальные, и ямчужные.

Были тут даже и дети боярские, бежавшие от взяточников-воевод. Царские воеводы ча-

---

[1]) Заводы, где делали поташ.

сто так правили, что, содрав все, что можно, с живого и с мертвого, «побивали людей нещадно насмерть».

А вольный Дон принимал всех на свои берега.

Искони велось, что с Дону беглых не выдавали.

Здесь не было ни бояр-помещиков, отнимавших у крестьян продукты их труда, ни воевод, ни богатых торговцев. Правда, царская власть как будто и туда тянула свою когтистую руку, но Москва была далека, все кончалось и начиналось грамотами,— жили казаки вольно, по своему устройству. Дела решали всем кругом. Всем вершил атаман, и его тоже на кругу выбирали.

Делились казаки на сотни и на десятки. Но не все казаки были одинаковы. Много бедных было на Дону. Головы у них были смелые, буйные. Зато, кроме своих рук да буйных голов, ничего у них не было. И назывались эти буйные головы — «голутвенные» [1]) казаки. Они и на Дон принесли огонь мести боярам и воеводам, и на Дону не забы-

---

[1]) Голытьба.

вали о тех, кого оставили под плетьми и поборами. Лютой, крепкой ненавистью горели они к боярам и воеводам. Но были и другие казаки,— те звались «домовитые». У этих огня ни в голове, ни в руках не было. Они любили поживать тихо и мирно, погуторить на кругу, потравить в степи зверя, ранним веселым утром закинуть сети в широкий Дон за серебристой рыбой...

Домовитые казаки и поторговывали — меняли рыбу и шкуры, а кроме того и с Москвой ладили и получали за то «государево жалование»: хлеб да сукно на одежу или, как тогда говорили, на зипуны.

За это должны были в поход против турок ходить и царскую Москву охранять, чтоб и в нее турки или персы не пробрались. Но домовитые казаки ленивы были и в поход ходить. Да и зачем? А буйные головы на что? Соберет, бывало, такой «домовитый» казак две-три буйных головы и скажет: — «А что, не пойти ли вам к Крыму за зипунами?»

— А что же не итти? Пойдем...

— Ну, ин, ладно; и пищали у вас есть?

— Нету.

— А порох?

— И пороху нету.

— Ну, добре, дам вам и пороху, и пищали, и сабли, и ятаганы, только с возвратом, да чего надуваните[1]), со мной вполовину.

А буйным головам все ладно,— вполовину, так вполовину. Зато пищаль в руках. Можно итти на турка, а в голове подчас и дума — не на турка тянет, на злого бы боярина, который чужой труд заедает. Стоит только близко подойти, да клич кликнуть, как заалеют везде красные петухи... и все поднимутся один за другого, живой стеной. И уж через ту стену боярину не пробиться... Только бы вместе стать! А там и к Москве дойти можно.

А толстые «домовитые» казаки на Москву не собираются. Им и на Дону хорошо. А что там другие стонут,— это не рядом. На Дону не слышно. Чего тут еще ворошиться...

В Черкасске, центре донского казачества, жил атаман Корнило Яковлев. Казак богатый хитрый. Делал все по-своему. Как будто, как на кругу решали, а выходило все по-своему...

---

1) Дуванить—доставать добычу.

Домовитые казаки его любили. Чего спокойней за Корнилой Яковлевым: и с Москвой поладить умеет, и с домовитыми ладит. Да не такого атамана нужно было «голутвенным» казакам. Им такой, который с ненавистной Москвой ладит, и даром не надобен. Надоело московское ярмо. Другого надо человека.

Не толстого, не лысого, не хитрого, не ленивого, а такого, который бы с ними одну думу думал, чтоб имел и храбрые руки и буйную голову и не ждал бы с поклонной головой царское жалование, да не выпрашивал бы все льстивыми словами у царских воевод, а сам — с голутвенными вместе сам бы все взял, а врагов-воевод, что высоко сидят, еще повыше бы вздернуть. На Дону был такой человек. Ростом высок и крепок, как степной дуб. В плечах широк. В глазах черное пламя. Лицом рябоват. Нравом суров. Шутить не любил. Пуще всего на свете ненавидел бояр и воевод, а с беднотой не чванился, как Корнило Яковлев. Ему голутвенные — товарищи.

Был он родом из домовитых казаков, сын Тимофея Разина, Степан, он же и Стенька. Брат Стеньки и отец с Москвой ладили, да дорого им этот лад обошелся. Пошел брат с

казаками в Польский поход, а после похода надумал домой на Дон вернуться. Да не так думал воевода Долгорукий.

Велел он своим стрельцам Разина вернуть и, недолго думая, отрубил ему голову. Да еще перед тем на пытке огнем жег, да кости ломал. А царь ни во что не вступился. Мало ли он и сам голов рубил и за «медный» и за «соляной» бунт и много людей жестокой пыткой пытал. Стоило только про кого крикнуть: «Слово и дело государево», и сейчас человека хватали на пытку, а потом смертью казнили.

Много так людей погибло. Всех и не сосчитать. Стенька в Москве бывал и всего этого нагляделся. Лютую злобу перенес на Дон против царя, воевод и бояр. Вот Стенька-то и был бы для голутвенных добрый атаман. Настоящий батька. С ними одну думу думал. И никто не знал,— как-то само это случилось,— стал Стенька «батькой-атаманом», как следует по казацкому устройству. Только не у «домовитых». У них как был Корнило Яковлев, так и остался. И они как были, так и сидели с Корнилом сиднями, да рыбу ловили.

Стенька на месте не сидел, но пошел он сначала не в поход с пищалями и ружьями, а в Соловки на богомолье. «Домовитые» подивились. Стенька, да вдруг на богомолье. То попов ругал, иконы бросал, а тут в монастырь собрался. Раскаялся что ли?

А «голутвенные» усмехались. Они знали Стенькино «богомолье». С ним их казацкая дума о восстании против бояр через все реки пошла, во всех селах, во всех деревнях, как бы клич. «Кто чем недоволен,— собирайтесь, будем с губителями биться». И в Соловках много было готовых на бой. Хоть, правда, у них свои дела были — не поладили соловецкие монахи с московскими из-за церковных книг, но и то ладно было бы, если бы они вовремя борьбу затеяли, да и под рукой у монахов мало ли было крепостных, безземельных?

Стенька это все понял и недаром побывал на «богомольи». Много после этого богомолья прибавилось на Дону «голутвенных», и по деревням и по селам стали шевелиться.

Конечно, не в Стеньке было дело. И без него ни села, ни деревни не было, где крестьяне не горели бы злобой и не хотели бы

хоть с рогатиной или с вилами итти на своего губителя-помещика. Но Стенька-то им дал знать, что везде одно и то же. Если встанет село под Тверью, за ним встанут и под Нижним и деревни и села. И не один Стенька ходил так. Посылал он и других голутвенных поглядеть, как где дело, чтобы знать, где дадут помощь.

А Дон шумел. И шумел так, что и в Москве этот шум было слышно. Стали в Москве поговаривать: «не было бы от казаков чего худого, что-то больно шумят. Слышно, собираются в поход. А куда? Москве не говорят. Не было бы «воровства» какого. И прежде бывало, что казаки нападали на баржи и караваны с товаром. Дорога торговая шла через степи».

О железной дороге тогда и не слыхивали. До железной дороги надо было ждать почти двести лет (1670 — 1838 годы). Везли товары водой на баржах, а по степям на лошадях, да на верблюдах караваном. Казаки «богатых гостей» (торговцев) не жалели. Часто бывало, что караван задерживали, товары в «дуван» шли, а торговцы без голов оставались. Москва за это чем только ни грозила.

«домовитые» опасались. Особенно царские товары не трогали. А «голутвенные» не боялись. Хватило бы силы. Ведь им терять было нечего. Они-то не получали царского жалования! И торговец им другом не был.

Ведь это тот же боярин продавал купцу то, что крестьяне добыли тяжелым трудом, и с купцом прибыль делил. А бывало, что боярин и сам торговал. Хоть бы тот же Морозов. У него сотни баржей по Волге возили хлеб, лен, пеньку, поташ.

Москва, услыхав шум, пошла слать грамоты воеводам: «чтобы воеводы жили с великим береженьем и где об'явятся воровские казаки, посылали бы на них служилых людей».

Воеводы те грамоты читали и снова складывали. Где там еще те казаки? Да и что за ними посылать да беспокоиться. Может, еще ничего и не будет...

Но пока воеводы сидели да думали, казаки не дремали. Стенька снарядил 4 струга (судна) и поплыл вверх по Дону. С каждым днем к нему присоединялось все больше и больше «голутвенных» казаков. И скоро все услыхали о Стенькином отряде. Сначала дос-

талось сторонникам Москвы — «домовитым
казакам.

Крепко нахмурился старый атаман Корни
ло Яковлев, когда услыхал о походе Разина

— Ну, попомнит Стенька свое атаманство
Кто готов за Стенькой в погоню?

Нашлись охотники. Только толку мало бы
ло. Разинцев они не догнали, а здорово доста
лось «домовитым». Скоро запылали кострам
по берегу Дона новенькие хаты домовиты
богачей.

А «голутвенные» поровну делили добыты
«дуван».

— Эх, не казацкое дело добро копит
Ишь, чего ни напрятали.

И верно. Чего-чего не было у домовитых-
и сукно, и кубки,— а дороже всего для «го
лутвенных» пищали и острые сабли. Все сна
рядились, и поплыл Степан туда, где Д
был близко от Волги. Погоня же вернулась
толстому Корниле Яковлеву в унынии.

Скоро прошел слух: Разин заложил ста
близ Паншина городка. Между рекой Иловл
и Тишина. Разбил шатры и казацкое устрой
ство установил. Всех поделил на сотни и н
десятки, назначил сотников и десятнико

сам атаманствует, а есаул у него Иван Черноярец.

Корнило Ивана Черноярца хорошо знал. Это был Степану добрый товарищ. Так же Москву ненавидел и «домовитых» не раз побить собирался. На кругу шумел, не хотел с Москвой добром жить. Покачал Корнило Яковлев головой. Надо было раньше их держать. Теперь как к ним приступить?

А слух пошел другой: «собирается Стенька с товарищами на Волгу». А на Волге было неспокойно. Там разинцы уже были на разведках.

Царицынский воевода Унковский тоже грамоты читал и слухи слышал. Да не до казаков ему было, и своего воеводского дела довольно. Кормы (жалование) собирать. Да и не всякому слуху верь.

Только вдруг из слуха дело стало. Пришел к воеводе торговый человек, упал в ноги, голос дрожит от страха. Кланяется воеводе.

— Застигли нас,— говорит,— на Волге заморозы и стали мы в зимовке между Царицыном и Саратовом; как вдруг напало на нас двое воров: один с Дона, другой из Шацка, беглый крестьянин; сперва они ограбили

струг с икрой, а потом напали на меня и во
животы у меня отняли, да еще хвалились, чт
весной пойдут на Волгу. Верно, эти, что на
ограбили, приходили проведать, нет ли п
Волге стругов, чтобы захватить...

Воевода выслушал торговца, поглядел ем
в руки,—где же у него «благодарность»,—
принял кусок сукна аглицкого на кафта
шелку кармазинного (красного), жене на са
рафан, бархату гладкого, крапивного цвет
сыну на шубу, и — нахмурился. Мало ем
показалось. Ишь, говорит,—все животы
ограбили, а сам тремя кусками думает отд
латься! Ну, и не жди много,—подумал вое
вода.

— «Иди, ладно. Хорошо, что жив остался
Другой раз придешь, не забудь, что у мен
сын-то не один. А жена у меня до жемчуго
охотница».

Торговец ушел, а воевода позвал писца
велел написать всюду грамоты—в Астрахан
в Черный Яр, в Москву и Саратов, чтобы при
слали ему служилых людей (войска) по
больше.

---

[1]) Имущество.

Грамоты писец старательно написал. На-
рядили гонца, послали, но на том дело и оста-
новилось.

Унковский больше не стал и грамот пи-
сать. А все же хотелось ему проведать, что
там, каково дело у «воровских» казаков.

Был у него из служилых людей Иван Ба-
кулин, человек бывалый, знал степные дороги
и с казаками водился. Он охотно взялся пой-
ти на разведки. «Поеду»,— говорит,— «лад-
но. Давай 5 человек. Все разузнаем». Но толь-
ко и это не вышло. Хоть и под'ехали они к
разинскому стану, но близко подойти не уда-
лось. Разинцы заложили стан на высоких буг-
рах, была весна, половодье, вода разлилась,
как море. Ни пройти, ни проехать. Все же по-
видался Иван Бакулин кой с кем из Паншин-
ского городка, что близ разинского стана.
Атаман Паншинского городка боялся Разина,
как огня, ничего и рассказывать не стал. Ска-
зал только, что «голутвенные» силом отбили
в Паншине боевые запасы и что царицынско-
му воеводе Степан велел передать, чтобы он
на него войска не слал. А не то Степан обе-
щает Царицын сжечь до тла, а стрельцов пе-
ребить.

Бакулин вернулся к царицынскому вое
воде и сказал, что проехать к «Стеньке» было
невозможно из-за половодья, но что по слу
хам в стане у него не меньше тысячи человек
а может и побольше.

Это так вправду и было. В стан Разина с
каждым днем прибывали массы беглых кре
стьян.

Слух о том, что разинцы собираются итти
против бояр и воевод, как будто птица на
хвосте разносила, да и не только слухи. Ра-
зин всюду рассылал грамоты (прокламации)
и в них звал всех итти против палачей—бояр
и воевод.

А тем временм разинцы перебирались на
Волгу. Волга тогда была самая большая тор-
говая дорога. По ней плыли караваны торго-
вых судов через Астрахань, и на Бухару, и
на Хиву, и по Каспию в Персию. Царь поку-
пал в Персии шелк и селитру и торговал по-
том ею сам в Москве. Никому больше не по-
зволено было продавать шелк и селитру. Шли
также по Волге караваны с рыбой и солью.
Это монахи и для себя запасали и торговали.
Шли баржи с хлебом, железом, поташом —

дарские, патриаршие, монашеские, купеческие, боярские.

XVII век был временем развития на Руси торгового капитала. Внешняя торговля велась и по сухопутью, но более удобными путями, были, конечно, речные и среди них первое место занимала Волга.

Разинцы хорошо знали, как наказать бояр, монахов и торговцев. Как только встретился им на Волге караван патриарших и купеческих судов — сразу на казачьих стругах запахло порохом. В караване был для защиты и отряд московских стрельцов. Были там суда с зерном богатейшего купца Шорина, того, которого хотели убить во время восстания из-за медных денег. Но стрельцы не очень охотно сражались с разинцами.

Притом же казаков было больше тысячи и все были смельчаки, и хлеб разинцам вот как был нужен. Бой кончился быстро. Разин с казаками остановил караван. Там все ждали жестокой расправы и смерти, но разинцы шли только против воевод, бояр и богачей. Зачем им было бить ярыжек (грузчиков, рабочих) на судах и бедняков?

Казаки хорошо знали, какова жизнь бур-лаков и ярыжек. Это были те же крепостны[е,] как прежде они сами, и бояре-помещики с[а]жали их насильно на свои насады (суда), [где] они по грудь шли в воде, волоча лямкой т[я]жело нагруженные баржи.

Как только казачьи струги подошли близ[]ко к каравану, Разин сказал ярыжным: «Все[м] вам воля. Идите себе, куда хотите. Силою н[е] стану принуждать быть у себя, а кто хоче[т] итти со мной, будет вольный казак. Я пришел бить только бояр да богатых господ, а с бед[]ными и простыми готов, как брат, всем по[]делиться».

Ярыжные и стрельцы помогли казакам вя[]зать начальство и все перешли на казачь[и] струги.

Зато «начальству» не поздоровилось. На[]чальника отряда изрубили, приказчика бога[]ча Шорина повесили, а целовальников у ка[]зенного хлеба пытали, пока те не отдали де[]нежную казну. Монахи на патриаршем насад[е] здорово струсили.

Разин сам вошел на насад, перебил над[]зорщику руку и велел для острастки трех мо[]нахов повесить тут же на мачтах.

Но не все струги были с товаром,— было судно, где везли ссыльных. Засудили их бояре и сильные люди, заковали в цепи и везли на каторжные работы. Разин велел сбить с них цепи и дать им свободу. Зато надсмотрщика не пощадил. Выбросил его на берег с царской казной и привязал к сундуку. «Стереги, собака, царское добро, пока не подохнешь. Ты людей не жалел и тебя никто не пожалеет».

Теперь у казаков были большие запасы. Золото, хлеб, товары, и они поплыли дальше по Волге к Царицыну. Воевода Унковский велел городским стрельцам палить по разинцам из пушек, но, видно, у Разина в Царицыне было довольно товарищей. Ни одна пушка не выстрелила! Отговаривались стрельцы: видно, Разин — колдун. Все пушки заколдовал, — палим, а они не стреляют.

Колдовство, конечно, тут было простое. Просто никто не хотел итти против разинцев, и Разин хорошо знал, что в Царицыне его плохо не встретят. Он ничуть не боялся царицынских пушек; под'ехав к городу, он послала своего есаула, Ивана Черноярца, требо-

вать все, что было нужно казакам для кузнечного дела. Тут и сам воевода видел, что ему не сдобровать и что ему ничего не остается, как исполнить просьбу Разина; и он велел дать Черноярцу и наковальню, и мехи, и молот.

От Царицына разинцы поплыли дальше по Волге — к Черному Яру. В Черном Яру никто и совсем не пытался стрелять в казачьи суда, и разинцы спокойно прошли мимо Черного Яра, и поплыли к Бузану, притоку Волги, — через Бузан можно было, минуя Астрахань, выйти в Каспийское море. И тут-то впервые разинцы встретились лицом к лицу с царским воеводой Семеном Беклемишевым. Войска с ним было немного. Да он, верно, и не собирался вступать в бой с разинцами. Он думал взять разинцев уговором. Это не раз делали царские воеводы. Видя, что им не справиться с казаками, они выступали от имени царя в переговоры. Обещали царским именем казацкие «вины» (набеги и реквизиции купеческих судов) простить, а казаки чтобы опять шли на царскую службу. А что было реквизировано вернуть обратно. И часто бывало, что казаки шли на переговоры, возвра-

щались в свои казацкие городки и начинали жить мирно и тихо.

Но на все было свое время. Разинцы долгих разговоров с воеводой вести не стали. Степан видел, что у него войска достаточно. О чем же тут разговаривать? И, в ответ на хитрые воеводины речи, Разин просто-напросто велел вздернуть воеводу на мачту — воеводино место высокое. Стенька не хотел казнить воеводу, а подвесил его для острастки. Потом велел снять его с мачты, пробил ему руку, которая много поборов и взяток брала, отобрал от него всю казну, которая была при воеводе, потом высек, чтобы воевода попробовал, каково под кнутом быть, и велел выкинуть воеводу на берег. Тем воеводины уговоры и кончились. А со стрельцами биться не пришлось. Три струга со стрельцами присоединились к разинцам и поплыли вместе к Яицкому городку [1]).

Стенька не боялся царицынского и черноярского воевод, — зато в Москве Стенькин поход всех напугал.

---

[1]) Нынешний Уральск

На Москве.

Тишайший царь Алексей Михайлович со страхом ждал воеводских грамот. На сердце у него было смутно и неладно. На всех был в гневе. Задумался. Вот кабы жив был старик Морозов! Куда легче было бы. Этот жалости не знал. Он бы ворам и бунтовщикам махом головы поснимал. Но Морозова уже не было в живых. И царь послал за боярами. Не успел слуга выйти из палат, как бояре уже кланялись царю. Все они с утра толклись в царской передней. Пришел Илья Милославский, и Богдан Хитрово, и Афанасий Матюшкин, и Иван Хованский.

— Ведомо нам учинилось, — сказал царь, — что на Дону собираются воровать многие казаки, и будет их с две тысячи человек, и хотят, взяв под Царицыном струги и лодки, итти с боем, а в Донские городки пришли с Украины беглые боярские люди и крестьяне с женами и детьми... Велели мы обо всем проведывать всякими мерами и нам отписывать. И чтоб на море казаков не пускать... Ладно ли я сделал? — спросил гневно царь.

Милославский сразу заметил, что царь не духе.

— И, государь! — сказал он. — Чего тебе ворах кручиниться? Хочешь, я сам, старик, ойду да Стеньку Разина и всех воров на веевке приведу?

Но не успел он кончить своей похвальбы, ак царь вскочил и, размахнувшись изо всех ил, ударил Милославского по щеке.

— Ах, ты, змей трехголовый, — завопил тишайший». — Старый пес треклятый! Враль! 'араруй! Такова твоя сатанинская служба? Іогубить меня хочешь? Я себе места не знаю, от страха мне до слез стало, инда во игле хожу, а ты, ненавистник, служить деюм государю не хочешь, а врешь да похваяешься! Сам ты вор и разбойник.

И, выкрикивая, хрипя и задыхаясь, царь с остервенением вцепился в бороду Милославскому. Рвал ее клочками. Потом вдруг ударил старика в грудь. Милославский грузно повалился на пол. А царь пинками вытолкал его из палат.

Бояре молчали. Только смешливый Матюшкин ухмылялся. Страсть любил такие по-

тасовки. Ишь, царь напал на Данилыча! Бу
то кречет на гуся. То-то оттрепал...

— Нет ничего страшнее огнепальной яр
сти царской, — угодливо сказал Хованский.
Все мы царю служить рады...

— А ты не возносись своей службой,
загремел царь на Хованского. — Тебя, княз
Ивана, взыскал и выбрал на службу велики
государь, а то тебя всяк называл дураком!

И, отвернувшись от Хованского, царь на
чал держать совет с боярами.

...Царь, видно, хорошо знал, что за каза
ками стоит крестьянство, и особенно Повол
жье, где земли он стал раздавать недавно,
крестьяне, ушедшие от помещиков на Волгу
опять попадали к ним в руки, как только
по милости царя, бояре садились на волж
ские земли.

«Проповедывать» о том, что делается
казаков, — это было еще мало. Надо было го
товиться к подавлению восстания, и Москва
узнав, что Разин взял в Паншине-городке
«ружья, и колеса тележные, и свинец, и запа
сы, и деготь», тоже начинает собирать и лю
дей, и оружие. «Тишайший» царь пишет вое
водам в Астрахань, Царицын, Черный Яр, что

ля борьбы с разинцами «посланы с Москвы атные люди с пушками и гранатами и со всей пушечными запасами, да солдатского строю полковник с начальниками, да четыре приказа (роты) московских стрельцов, да и Симбирска, и из Самары, и из Саратова пекие люди, а астраханским служебным людям ыть и конным и пешим».

Царь назначает в Астрахань и посылает з Москвы воеводу Прозоровского итти пряо на борьбу со «Стенькой», а бывшего воеоду астраханского Хилкова увольняет за то, то он ни о каких делах про казаков царю не исал.

Страх царя все растет. Ему кажется, что н мало послал войска, и он пишет на Поолжье еще грамоту и велит собрать войско 1 500 человек, да еще прибавить и татар.

В следующей грамоте он велит уже готоить и суда и припасы к морскому ходу, а с Красного Яра взять пушки, боярина же Кукеедова посылает на Черный Яр описать, сколько там свинцу и всяких пушечных запасов, и денежной казны, и хлеба в житницах и всяких запасов», и велит спешно укрепить

город; приказать плотникам достать лесу
достроить стены.

Но напрасны были эти меры.

В ответ царю воеводы писали, что «в
ровских» казаков им побить не удалось, х
тя на реке Яике и был с ними бой, но Стен
ка Разин царских ратных людей перебил,
сам со всем войском вошел в Яицкий гор
док, и еще писали, что «донской казак Вас
ка Ус прибирает себе конных казаков и хоч
итти к Стеньке, да и еще недалеко от Астр
хани стоят пришедшие с Дону воровские к
заки, а атаман у них Алешка Пропокин,
еще с Дону будет к ним Алешка Каторжны
а с ним конных казаков две тысячи челове

Царь сильно забеспокоился. Царск
стрельцы, видно, не очень-то собирались з
щищать Москву и «тишайшего» царя; вскор
царь получил грамоту о том, что Астраха
ские стрельцы, которые были посланы проти
«воровских» казаков в Яицкий городок, п
шли на «воровство» в море.

У разинцев

А разинцы в это время были уже в Яи
ком городке.

Яицкий городок они взяли почти без боя. Все, конечно, было заранее подготовлено. Разинцы раньше посылали и людей, об'единявших недовольных, и грамоты, и в городе Разина ждали товарищи. Сношения с единомышленниками велись давно.

Степану еще на Дон писал грамоту голутвенный казак Федор Сукнин: «Собирайся к нам, атаман, возьми Яик-город. Засядем в нашем городке, а потом пойдем вместе на море промышлять».

Разин не хотел даром терять казаков в боях. Ему свойственны были: смелость, сметливость, уменье применяться к обстоятельствам, учитывая все возможности и не отказываясь от военной хитрости.

Так взял он и Яик. Он не пошел напролом. Если бы он пошел с открытым боем, особенно в порядке наступления, стрельцам яицким поневоле пришлось бы сражаться, палить из пушек и пищалей. Ведь, могли всегда оказаться рядом предатели. Они и могли помешать делу. Поэтому Степан оставил все войско в кустах, чтобы не видно было его из города, а сам с несколькими казаками подошел к городу.

Надо было хитростью войти в город и дать знать, кому надо, что разинцы здесь. Но ворота были закрыты на засов, и стрелецкий начальник Иван Яцына сам сторожил их вместе со стрельцами. Воевода накрепко приказал никого в город не пускать. Но Разин догадался употребить старый, уже испытанный прием. Он опять стал «богомольцем» и попросил отворить ему и товарищам ворота, чтобы они могли зайти в город «помолиться». Хитрость удалась вполне. Иван Яцын впустил казаков. Степан вошел и, вместо молитвы, сам открыл ворота подошедшим разинцам. Город сдался без одного выстрела. Начальник стрельцов не оказал никакого сопротивления.

Большинство стрельцов соединилось с разинцами, часть бежали в Астрахань; но, боясь предательства, разинцы послали за ними погоню. Яик был в руках разинцев. Это было осенью 1667 года.

Когда в Москву дошли об этом слухи, царь, видя силу разинцев, опять пошел на хитрость и уговоры. С Дону приехали к Разину царские посланцы, привезли казакам царскую грамоту и уговаривали Степана бро-

сить набеги и возвратиться в Саратов служить царю. Степан только усмехнулся. Но все же сам ничего решать не хотел. Собрал круг[1]). Прочли грамоту. Прочли отписку от донских казаков. Но еще рано было объявлять открытый бой Москве. Еще далеко не все было готово. И Степан отговорился:

— Не мне, ведь, эта грамота. Если бы мне такую грамоту царь прислал, может я бы и повинился.

Так ни с чем и уехали посланцы, а разинцы продолжали строить свое дело.

За царскими послами приехали воеводины, но с теми Разин не стал и разговаривать.

Разинцы остались в Яике на всю зиму. У Степана были, надо думать, большие планы. И надо было все подготовить. Главное было — сделать денежные и кормовые запасы. За Яиком шли степи, там жили татары и калмыки. Казаки делали набеги на татарские улусы, а у калмыков начали делать закупки скота. Калмыки охотно ездили к разинцам. Казаки все брали и хорошо платили.

Пришла весна 1668 г. В Москве стали говорить, что Разин с войском пошел в землю

---

[1]) Собрание казаков.

шахову [1]). Скоро слухи подтвердились. В Москву вернулся бежавший из плена москвич Степан Ценин. Много чудесного он рассказывал — как татары его в плен взяли, как туркам продали, как он оттуда бежал и жил три года в Арапской земле, а потом вернулся к туркам; прежний хозяин опять его продал в город Аван, а оттуда бежал он в Кизилбашскую землю (Персию), и когда он жил у турок, было там такое большое потрясенье, что весь город развалился и многих людей подавило. Много еще рассказывал Ценин, а под конец рассказал и о Разине. Стоит «Стенька Разин» с товарищами в Гиляне (на Каспийском море) у берега в стругах, и все казаки обещали шаху служить, и шах их принял и платит им по двести рублей в день; а они хотят, чтобы шах дал им место, где поставить казацкий городок, и что стоит их под Гилянью с две тысячи человек.

А другой бежавший пленник рассказывал, что Разин с товарищами взял персидский город Дербен [2]), да и еще город взяли.

---

[1]) В Персию.
[2]) Дербент.

Слухи эти во многом были верны.

Разинцы, действительно, были в «шаховой» земле, то-есть в Персии, и делали набеги на берега Каспийского моря.

В шаховой земле.

Персидский шах Сефи-Солейман, как и его предшественник Аббас II, не очень любил заниматься делами. У него был большой гарем, где сидели увешанные золотом рабыни, купленные и захваченные им в плен. Он любил там пьянствовать, несмотря на то, что это было строго запрещено религией. Он был очень жесток и каждый день казнил и увечил тех, кто ему не угодил. Шах больше думал о том, чтобы охранять свою особу, чем границы своего государства. При нем были частые набеги, но он об этом мало заботился. Разин был хорошо осведомлен о персидских делах. Он знал, что там можно сделать денежные запасы, и разинцы пошли за богатой добычей в персидские земли.

Большой город Дербент. Кругом высокая стена, а на берегу моря рынок. По всему берегу. Чем-чем только ни торговали! И шали персидские, и жемчуга скатные, и камни са-

моцветные, и парча, и шелк, и бархат, а главный товар — живые люди. Персы (да и другие южные народы в то время) торговали людьми, как скотом. И не мало было тут взятых в плен в прежних битвах казаков. Старые и молодые, стояли они связанные, скованные. Поводырь гнал их палкой, покупатели били по спине, лезли пальцами в рот, чтобы поглядеть, целы ли зубы, заставляли подымать тяжести, бежать бегом. Уныло стояли скованные казаки. Солнце палило спину. А мысли были — о далеком, привольном Доне. Удастся ли когда опять быть там «вольными» казаками? Как бежать из плена? Из цепей, из-под зорких глаз надсмотрщиков? Далеко родной Дон, далеко воля!

Только во сне видят казаки и Дон и волю.

Хоть бы издали поглядеть на «вольного» казака! И вдруг видят пленные — глазам не верят — не один, не два казака, а сотни, тысячи казаков вошли, вбежали, вихрем влетели на дербентский рынок. Как зерна гороха, рассыпались трусливые купцы.

Шумят казаки, а посреди — высокий, плечистый атаман. Многие казаки из пленных его не раз видали на Дону.

Изо всех сил закричали казаки:

— Стенько! Освободи нас, батько, из полону! Пропадаем!

Хлопнул Стенька в ладоши, и дюжие казаки начали вдребезги ломать колодки, сбивать цепи, и скоро освободившиеся из плена казаки стояли у Степановой палатки, одетые кто в бабью шаль, кто в богатый парчевый кафтан, кто в тяжелый персидский узорный ковер.

Так прошли разинцы весь берег от Дербента до Баку и во всех боях много-много если 20 человек потеряли.

А пленных казаков освободили целые сотни. И в бою и в обмен на пленных персов. Войско разинцев росло с каждым днем. Тогда персы решили двинуть на казаков большое войско.

Разин отправил к шаху казацкое посольство, в самую шахову столицу Испагань, и велел сказать, что они, мол, казаки, и думать не хотят с персами драться. Они пришли у персов правды искать от московских бед и утеснений. Стало им под жестоким московским царем жить не в мочь и хотят они, казаки, искать другой жизни и хотят они жить в

шаховой земле, шаху служить, как слышали они, что мудрее шаха и на всей земле государя нет. Отвести бы им, казакам, землю на реке Ленкуре, и там бы они построили себе казацкий городок.

Конечно, разинцы и в мыслях не держали служить шаху. У них совсем другое было на уме, но не к чему было казакам с персами воевать: все мысли их были с беднотой в России. Правда, хитрость удалась казакам, но — только ненадолго. Их впустили в город и даже жалованье им дали. Но когда разобрали в чем дело, кончилось все же боем, и казаки потеряли 400 человек, а разинских послов в Испагани шах велел казнить.

А за это разинцы сожгли шаховы дворцы в городе Фарабате, город взяли и дали свободу пленным казакам.

Долго гуляли казаки по персидским берегам; наконец, шах собрал на них 4 тысячи войска под начальством Межды-Хана. Но шаховы войска «из неволи» шаху служили. Чего им было торопиться головы нести на смерть? А разинцы бились за свою казацкую волю, да еще много у них было дела впереди, там, дома, от Дона и до Москвы. И они бились храб-

, как львы, и скоро персы потерпели поражение. Это было летом в 1669 г. Теперь довольно было сидеть в «шаховой» земле. У разинцев был «дуван», а впереди были их главные цели.

И разинцы пошли из Каспия к Волге.

Вставай, Поволжье!

«Тишайший» царь давно уже ничего верного не слышал о разинцах. И у него немало от сердца отлегло. Но как-то раз, летом 1669 года, собрался было он заняться с Афанасием Матюшкиным своим делом — соколиной охотой, как подали ему грамоту от астраханского митрополита. Царь досадливо отмахнулся. Он как раз наказывал сокольникам, как за соколами лучше смотреть: «А буде вашим небрежением сокол Адар или Мурат, или Булат, или Стреляй, или Лихач умрут, и меня не встречайте, всех велю кнутом перепороть»...

Раскрыли грамоту, прочли, и сразу царь о соколах забыл.

«1669-го году, августа 7-го числа, — писал митрополит, — приехали с моря воровские казаки Стенька Разин с товарищами и, будучи

на моем учуге (промысле), соленую рыбу икру, и клей, и визигу, и жир — все без оста ка пограбили».

Но этого еще было мало, — плакался д лее митрополит. Казаки взяли также и в орудия производства: «медные и железн котлы, топоры, багры, и долота, и буравы, неводы, и струги, и лодки, и хлебные зап сы — все без остатка побрали и разорили м ня, государь, богомольца твоего, а у нас учуге покинул Стенька с товарищи церко ную утварь».

Разинцы, действительно, взяли и икру рыбу. Монахам не к чему икрой баловать Им об еде надо поменьше думать. А вмес икры разинцы оставили митрополиту заве нутую в тряпки церковную утварь, котору отобрали у мусульман.

Но не только бедного митрополита «ра рили» казаки: досталось на Волге и купца да и у самого царя казаки отняли богат подарок. Шах посылал царю дорогих коне Их везли Волгой на большой барже. Но, к нечно, разинцам кони были куда нужнее, они забрали себе царских аргамаков вмес с баржей и другими подарками.

Так разинцы спокойно доплыли почти до Астрахани, а скоро и вся Астрахань увидела Степанов струг «Сокол», плывший впереди. Весь город зашумел о богатстве разинцев. А у воевод глаза разгорелись на богатую добычу. Но биться они все же не собирались. Они хорошо знали, что стрельцы в первом же бою сдадутся разинцам, и не только золота и шелка не получишь, но и голову потеряешь.

Впрочем, и разинцы не собирались биться. Силы были все же не велики, и, казалось — лучше было с виду повиниться, всех успокоить, а когда шум поутихнет, тогда можно и за дело приняться. Воеводы хитрили еще больше. Они послали 4 тысячи войска будто для боя, а сами везли грамоту, в которой было прощение казакам.

Воеводины стрельцы поплыли к разинским судам, но казачьи струги снялись и пошли в море. Пришлось туда за ними бежать с грамотой. Повез грамоту Никита Скрипицын, а стрельцы вернулись в Астрахань.

И вскоре сидел Никита у Разина на струге на толстых, мягких коврах, читал ему грамоту и уговаривал.

Разин делал вид, будто думу думает, а
самого давно уже казаки были готовы для п
сыла с ответом к воеводам. Послал Разин
казаков и сказал им, чтоб обещали все, ч
воеводы просят, — обещано, еще не сделан
Там в свое время поглядим, что будет, да
воеводам будет на что поглядет, перед те
как с головой проститься. Время же, глядиш
выиграем...

Пошли казаки к Астраханскому воевод
Говорили от всего разинского войска: «Гот
вы все за вины свои служить и головам
платить, а пушки, которые взяли мы на Вол
ге, и в Яицком городке, и в шаховой обла
сти — отдадим, и служилых людей отпусти
и струги отдадим, а купчинина сына, взятог
в плен, тоже отдадим, только за выкуп».

Всего наобещали. Привел их воевода
присяге. Они опять все обещали. Присяг
врагам недорого стоила.

Обрадовался воевода, послал за пушкам
за добычей и за шахскими конями. И
особенно ему вернуть хотелось. Надо думат
и ему персидские аргамаки не лишние был

И вот после переговоров разинцы вошл
в Астрахань — «свои вины принести». Вес

город выбежал смотреть на казаков. Трудновато теперь их узнать было. Уезжали они в драных зипунах, и в холсте с драными рукавами — дырка к дырке лепится, а вернулись — не хуже боярина Морозова платье. У кого кафтан бархатный, у кого шуба лисья, парчей крытая, у кого халаты цветного шелка — алые, желтые, малиновые, вишневые, с золотом и серебром. У самого же атамана — шуба соболья, а на голове уж не казацкая шапка смушковая, а высокая чалма, как у турка, шелковая с золотом и вся жемчугами перевита. У воеводы глаза на шубу разгорелись. Нарочно для нее пришел к Стеньке на струг. Ничего, что за глаза называл «воровским» казаком, да царю доносы на него писал!

Тут вдруг товарищем стал. Пировать пришел. Глядит на шубу, жадных глаз не сводит, а шуба блестит, как солнце. Крыта вся золотой тканью. Он и так к атаману под'езжает, и этак, а потом пошел напрямик,— давай, говорит, шубу, а то худо тебе от Москвы будет!

Сверкнул «Стенька» глазами. Но не время еще было воеводу вешать. Снял шубу.

— Бери,— говорит,— шубу, только не было-б в ней шуму.

Пришлось потом воеводе вспомнить о золотой собольей шубе. Дорого он за нее заплатил. Так дорого, что и шубы уж из-за этого носить не пришлось. Но пока — шуба была у воеводы на плечах. На следующий день сидел он в ней, развалясь на лавке в приказной избе, а перед ним стоял Степан Разин, разинские есаулы и сотники. «Стенька» с поклоном положил, в знак примирения, пред воеводой свой бунчук — знак атаманской власти. Тут же стояли и знатные пленные: ханский сын, персидский командир и еще три пленных перса. Кроме того, отдали казаки и пушки — 5 медных и 16 железных. И тут же выбрали 6 казаков в Москву, как тогда говорили — «царю бить челом», то-есть с просьбой.

Воевода на все угрюмо кивал головой. Вдруг лицо его просветлело. Разин достал дорогие ткани, большой великолепный бархатный ковер и разложил ковер и парчу перед воеводой.

— А это, боярин, тебе «на поминок» (на память).

Но как ни богаты были подарки самому воеводе, он не мог не видеть разинских издевок и хитростей.

— А где же «дуван» и шаховы кони? Отдавай, атаман, все сполна.

— Никак этого сделать нельзя, боярин. Весь дуван уже продан, да на платья переделан, пленных мы всех поменяли, а пушки нам и самим надобны, как будем итти за Волгой и Доном степями.

И как ни приставал воевода, Степаново слово было твердо. Так ничего больше и не отдал. Не похоже это было на повинную голову. Да не так его и астраханцы принимали. Не только все шапки перед ним снимали, а многие на колени вставали и кланялись ему до земли. И весь город звал его «батькой-атаманом». Даже иностранцы пришли на разукрашенный Степанов струг, и принесли подарки.

А на астраханском рынке казаки дуван меняли. Блестели жемчуга, звенело золото. Атаман сам ходил по городу и со всеми разговаривал. Ему надо было выяснить, готовы ли астраханцы, много ли в Астрахани разинцев. Скоро Степан увидел, что вся беднота

была за общее дело. Много недовольных было и из других классов.

А через 10 дней разинцы поплыли по Волге к Царицыну. Теперь уже все знали, что Разин — защитник от воров, и не успел он подойти к городу, как к нему пришли жаловаться на поборы и действия воевод донские казаки.

Степан недолго их слушал. Вышел на берег и прямо пошел с казаками к приказной избе. Воевода знал, что дело добром не кончится. Спрятался, как мышь, а двери накрепко запер, но пришлось ему страху натерпеться. Недаром писал он в своем доносе царю, что «Стенька хотел его зарезать и дверь у горницы выбил бревном, а он, воевода, убоясь смертного убивства, выкинулся в окно и ногу у себя вышиб».

Степан действительно хотел убить его за то, что он, воевода, «все царю ведомо чинит», то-есть пишет на разинцев доносы. Но воевода так ловко «ухоронился», что Степан его не поймал, и на этот раз он отделался только тем, что один из казаков оттрепал его за бороду.

А Разин подошел к воротам тюрьмы, где

омились посаженные боярами в застенок оди, отворил ворота и велел сбить с закоинных колодки и цепи. В это же время разинцы захватили на Волге два купеческих стру-, сняли с них сотника, который вез царскую рамоту, и, порвав царское писанье, бросили очки в воду.

Но оставаться в Царицыне Степан не думал, и разинцы поплыли на Дон. Там устроили они себе городок Кагальник, обвели его емляным валом и просидели в городке всю иму. Надо было собрать еще людей. Со всех торон казаки и беглые приходили в Кагальик. Теперь на Дону знали только одного атаана — Степана Разина, хоть и звался еще таманом толстый Корнило Яковлев. С ним же никто не считался. Когда царь прислал казачий город Черкасск своего посла, будо с грамотой, а на самом-то деле пронюать, как дела у казаков, Корнила Яковлев, осковский угодник, лебезил перед послом лой. Разин же не поглядел на старого атаана. Он приехал в Черкасск и велел собрать руг. Когда пришел царский посол, Степан ез всякого почтения ударил посла при всех о голове и сказал только:

«Лазутчиком приехал? Бросайте-ка его в воду».

Корнила было бросился защищать царского шпика, но разинцы уже пустили его на дно.

Теперь было время итти против бояр и воевод. Все было подготовлено. Везде были разосланы агитки или, как тогда говорили, «прелестные грамоты», где разинцы звали бедноту встать против помещиков и воевод.

А в разинском городке жизнь горела огнем. Сверкали на солнце отточенные казацкие сабли, блестели ружья, звенели об камень мечи и кинжалы, которых теперь много было у разинцев. Ржали вычищенные кони и золотом отливала их шерсть на солнце, когда казаки вели их купать и поить на Дон. Все были готовы к походу, все ждали атаманова слова. Суда стояли у берега, и «Сокол» развевал свои шелковые паруса.

И вот собрался круг.— «Идем на Царицын!» — только и сказал атаман.— «Идем, батько. Идем, Стенько!—закричали казаки,— все готовы!»

— Ну, так и выступаем.

Две ночи было до Царицына ходу. Две но-
ии не спали разинцы, но всем было весело,
как на празднике. Еще не совсем рассвело,
чуть-чуть засветлело на небе,— в Царицыне
все спали, кроме стрельцов на сторожевой
башне да тех, кто ждал разинцев. Вдруг сто-
рожа увидели целые полчища казаков. С во-
ды, с суши, со всех сторон тысячи людей об-
ложили город.

Забил набат, загремели пушки. Но один
раз выстрелили и замолкли. Этим и кончилась
битва. Скоро горожане сами открыли разин-
цам ворота. Стрельцы перешли к Разину и
город сдался без боя. Только воевода засел
в сторожевой башне и с ним 10 человек
стрельцов. А из всего Царицына только три
человека остались верны Москве. Вот как на
Поволжьи любили Москву и «тишайшего»
царя.

Но и воеводе недолго пришлось служить
царю. Башню взяли. Воеводу привели на ве-
ревке к реке и утопили. Царицын был теперь
вольным городом — под рукой атамана и ра-
зинцев. На кругу все судили, рядили, как
дальше быть. Взял слово Степан и сказал то,
что было в думе у всех: — Итти вверх по

Волге под государевы города, выводить вое-
вод, потом итти на Москву против бояр,
Царицын укрепить и по-казацки устроить.

Но разве мог пройти поход против бояр,
помещиков и воевод без боя? Бояре спешн
снаряжали своих крепостных и слали в вой
ска. А воеводы точили ножи, чистили ружь
и заставляли стрельцов готовить головы н
смерть за боярские животы.

Астраханских стрельцов воеводы послал
к Черному Яру, а московские стрельцы шл
к Царицыну. Астраханские стрельцы был
Степану не враги, а товарищи — помощь вое
вод бить, а московские стрельцы были дел
другое. Эти были из сынков боярских, а дру
гие при царе, при его хоромах служили, жа
лованье и кормы им шли достаточные; о
бедноты они давно отмежевались, и им вы
годно было защищать царское дело.

И разинцы всей силой пошли на москов
ских стрельцов. А все же за деньги да за чу
жое дело не так люди бьются, как за свою
волю. Дрались стрельцы неплохо, да далек
им было до разинцев. Все же, пробились он
к Царицыну. А тут из Царицына пошли ра
зинские пушки палить, и 500 стрельцов поло

жили свои головы за бояр и нашли смерть,— кто в далекой степи, кто в глубокой Волге.

Не впрок пошло царское жалованье.

А с астраханскими стрельцами дело было по-другому. Было их три тысячи. Конечно, могли бы они защитить боярскую казну и царскую власть, да не хотели. Как только подошли стрелецкие суда близко к разинским, стрельцы громким криком через всю Волгу грянули: «Здоров, батько! Здорово, Степан Тимофеевич! Как прикажешь, что нам над воеводами-лиходеями чинить?».

— Здорово, братья,— отвечал Степан.— Крепко мучили вас лиходеи-бояре, теперь пришло ваше время! Пусть воеводы вспомнят, как они взятки брали, вас батогами били нещадно, да неугодным головы рубили!

Плохо тут пришлось воеводам и начальству.

— А что у вас в Астрахани? — спросил Степан. — Есть ли у нас там товарищи? Не передумали ли?

— Все с тобой, батько! В Астрахани тебе все свои люди. Только ты придешь, тут же тебе городок так и сдадут.

Астрахань.

Большой был на Волге город — Астра-хань. При самом устье Волги. Все суда тор-говые, что по Волге везут в Каспий товар[ы] для шаховой земли, Астрахани миновать н[е] могут. Все пути торговые в Астрахани схо-дились. На Бухару, на Хиву, на Кавказ.

Девять приказов было в Астрахани, и [в] каждом по 500 царских стрельцов. Крепост[ь] каменная. Обведена была Астрахань кирпич-ной стеной в 6 метров толщиной и 20 метро[в] вышиной; по стенам и по углам стояли двух-ярусные башни, а на них висели колокол[а], чтобы в случае опасности бить тревогу.

Было в Астрахани 500 орудий огнестрель-ных. В городе богатые рынки. И персы сво[й] особый рынок имели. Были еще там и рыбны[е] промыслы, царские и монашеские.

Как только дошли до Астрахнаи слух[и], что Царицын в руках разинцев, воевода [и] митрополит принялись готовиться к защит[е]. Воевода обошел стены и башни, осмотре[л] сам все пушки, расставил стрельцов, каждо-му дали по пищали, по ножу, по сабле, у во-рот поставили сторожей, а ворота завалил[и]

ирпичом, чтобы ни выхода, ни входа в город не было. А митрополит пошел кругом с крестным ходом. Всех уговаривал защищать царя и воевод.

Но стрельцы были так настроены, что от каждого слова все могло пожаром вспыхнуть.

Кричали:

— Не хотим служить без жалованья! Не пойдем в поход! Отдайте нам казну!

Воеводе казны отдавать не хотелось. А стрельцы идут напролом. Пошли к воеводе. Не просят, а требуют.

— Давай жалованье, а то ни одна пушка не выстрелит.

Побежал воевода к советчику своему митрополиту.

— Святой отец, как быть? Пропадем ни за что... Где взять денег? Не свои же давать?

Митрополиту тоже денег жаль, а жизни-то еще больше жалко. Расщедрился. Достал своих 200 рублей. В тайном месте спрятаны были. Да и монастырских казенных не пожалел. Этих выдал две тысячи.

Роздали стрельцам казну, а волненье не стихает. Ждут стрельцы разинцев. В нетер-

пении глядят со стен на Волгу. Скоро ли пр
дут? Скорей бы побить воевод ненавистны
торговцев жадных, помещиков-мучителей...

Воевода и митрополит дрожали от стр
ха. А тут еще и холод такой, хоть шубу н
девай, а время июнь месяц. Никогда тако
в Астрахани не бывало.

Качает головой воевода. Плохо со стрел
цами. Знал воевода свои вины, знал, что н
пройдут ему даром неправые поборы, обид
и побои.

А разинцев все нет, как нет. Стрельцы у
и ждать устали.

А разинцы-то были совсем близко. У Ж
реных бугров. От Астрахани всего нескольк
верст.

Город Астрахань со всех сторон крепк
кирпичами заколочен. Вдруг смотрят стор
жа — идут к городу от берега два человек
Один будто казак, а другой как будто поп
рясе. Подошли. Сказали, что они от атаман
Разина посланы для переговоров. Пустил
их. Взлезли они по лестнице через стен
только вместо переговоров начал их воевод
пыткой пытать — говорите, что там у Стень

ки? Сколько войска? Сколько запасу боевого? Что думает делать? Куда потом пойдет?

Долго пытал и мучал. Поп бы и сказал, да не знает ничего. Бросили его в тюрьму. А казак так ни слова и не вымолвил, несмотря на жестокие пытки. Под конец, ничего не добившись, воевода велел отсечь ему голову.

А у разинцев было все готово для приступа. Разин глядел на высокие кирпичные стены, на башни с бойницами и думал: «Хороший город будет, как введем казацкое устройство». Но, ведь, раньше город надо было взять.— Ну, что же и возьмем! — думал Степан.— Только бы ничего не помешало.

А воеводы надевали железные кольчуги. На боках мечи длинные, на поясе кинжалы, за спиной пищали. За воеводой и дети боярские, и дворяне поодевали полное вооружение. Собрались все на митрополичий двор, зазвонили в колокола, затрубили в трубы, забили в тулумбасы — гам, грохот. Пошли к стенам, да сами-то стараются близко не подходить. Брат воеводы стал у Вознесенских ворот,— думал, через них войдут казаки,— но так всю ночь даром протрубили и прозвонили, а чуть светло стало, казаки оказались

уже под стенами города. Скомандовали воеводы: — «Пали из пушек!» Загремел пушечный гром, но казаки как будто ничего и не слышат. Подставили к стенам лестницы и влезли через стены в город, как будто к себе в сад через забор.

Воеводы еще громче командовать.— «Пали! Стреляй! Лей кипятком! Давай вару!» А стрельцы вместо пальбы кричат:

— Иди к нам, батько! Давно тебя дожидаем!

Перетрусили тут бояре и боярские сынки, да и было чего. Как только вошли разинцы в город, астраханская беднота бросилась бить бояр, воевод, торговцев.

Воеводу в живот ранили, а многих и насмерть убили.

Все начальство — дьяки, под'ячие, головы стрелецкие — побежали бегом в собор и заперлись там. У собора были прочные железные двери, но разинцы пошли на приступ. Двери выломали и всех перевязали: и бояр, и дьяков, и под'ячих и повели на суд к атаману. Недаром Разин писал в грамотах, что он идет «воевод и бояр с корнем повывести».

Миловать было некого. Воеводу сбросили с раската. Остальным припомнили все их злые дела и тут же всех и казнили. К боярам и воеводам разинцы были беспощадны. Тут ни просьбы, ни раскаяния не помогали. Всего было казнено около четырехсот человек.

Теперь, когда с врагами было покончено, надо было отдохнуть и укрепиться в Астрахани. Пошли казаки устраиваться на отдых. Жители принимали их радостно. Во всем городе было как на празднике.

Но много еще трудного было впереди. Разин хорошо понимал, что бояре свою сытую жизнь даром не отдадут. Будут насмерть биться за свою власть. К тому же у бояр и казна в руках. У царя в Москве пушек достаточно. Может, на каждого стенькиного казака по пушке?..

Прежде всего сжег атаман все дела, все бумаги в приказах,— были там и кабальные записи на живых людей, которыми крестьяне отдавались помещику в неволю, и помещичьи бумаги на земли. Все до тла сжег атаман.

— «Неволю жгу,— думал Степан.— Так и там на Москве все приказы очищу. Все сожгу. Все кабалы. Все вольными будут».

Потом все, как и везде, по-казацки устроил. Людей разделил на сотни и десятки. Велел перечесть кормовые и боевые запасы. Напрасно царь их считал. Достались все запасы разинцам.

Запасов было много, но воеводиной казны не нашли. А как могло не быть у астраханского воеводы денежных запасов?

Потом собрали круг. Вся Астрахань теперь была казацкая. Всех собрал атаман.

— Клянетесь ли правдой служить общему делу? Клянетесь ли изменников выводить? Казацкому войску служить, бояр с корнем повывести? Людям волю дать?

— Клянемся, батько, клянемся!

— Идите к присяге.

Присягу все приняли.

И стала Астрахань жить по-волному, по-казацки. Ни бояр, ни воевод, ни помещиков.

Но недолго собирался Разин отдыхать в Астрахани. Надо было итти дальше по Поволжью. Ведь, самое главное — из Москвы «бояр повывести». Там самые злые корни.

И снова стали снаряжать струги. Поплакали жены в пестрых сарафанах, а казаки и смотреть на их слезы не стали. Казак не на

лавке в горнице жизнь проводит. Его дело в походе.

И каждый день с утра смолили казаки речные струги. Работали пилой, долотом, рубанком. Пора выходить. А на Поволжьи везде вести о разинцах всех подымали. И уже нельзя было скрывать от Москвы, что взяты Царицын и Астрахань. Нельзя было закрывать глаза на то, что разинцы не «воровские» казаки, которые пробуют удаль, да не знают куда деть казацкую силу, а что это — восстание против господствующего класса.

И в самой Астрахани ненависть против врагов росла с каждым днем. Теперь уж не атаман велел вести на суд связанных дьяков, бояр и под'ячих. Сами казаки отыскивали спрятавшихся в погребах и подвалах торговцев и бояр и казнили их.

Уже все было готово к походу.

В Астрахани атаманом оставался Васька Ус. А всех, кто хотел итти в поход по Волге, сажали на струги.

Вся Волга, широкая у устья, как море, была покрыта стругами,— шевелились белые паруса от ветра, как будто торопились ско-

рее в путь. 200 стругов стояло готовыми у берегов. И на каждом были ружья и пушки, свинец и стрелы, пули и порох. А по берегу, у оседланных коней, толпилось две тысячи всадников — разинская конница. Кони били копытами и ржали.

У казаков весело было на сердце. Ни страху, ни сомнений.

С криком «нечай» поплыл впереди атаманов «Сокол», а за ним и все суда. Поскакала конница, а по дороге войско росло и росло. Из лесов, из прибрежных деревень бежали люди. Махали руками, тоже кричали «нечай». Это был разинский боевой клич. И подплывали к берегу казацкие струги, брали новых и новых казаков. Разные тут были люди. И круглые русские лица с широкими носами и русыми кудрями, и узкоглазые татары, и широколицые скуластые калмыки, и жестковолосые чуваши, а мордва, и черемисы.

До десяти тысяч войска набралось. Правда, боевое снаряжение не на отличку. У кого что. У одного коса, у другого топор, а третий захватил железную острую сечку, что бабы по осени капусту рубят. Конечно, не сабля, а и то ладно. Если такой сечкой уда-

рить покрепче по боярской шее, — отлетит голова, как капустный кочан.

И пока плыли казацкие струги, набралось войска еще несколько тысяч. Везде пожаром горел разинский клич против царя, бояр, воевод. Всем давно и во сне виделась «вольная» земля, без помещика, в руках всех трудящихся, с казацким устройством, где все равны.

Так дошли казаки до Саратова. И только показались у берега разинские струги, как в городе вспыхнуло восстание, и всех дворян и приказных людей перебили.

Теперь и Саратов стал вольным казацким городом.

А за Саратовом и Самара.

Пятью большими волжскими городами овладели разинцы. Но на этом не остановился Разин. Всю землю хотел он сделать «вольной», а главное — из Москвы бояр повыбить.

Принял в Самаре присягу атаман и пошел дальше к Симбирску.

Но не только нижне-волжские города восставали и делались разинскими. Восстания вспыхивали и в Нижегородской, и Тамбовской, и Пензенской области. До самого Белого моря.

Могло ли быть иначе?

Осада Симбирска.

В Симбирске воеводой был Иван Мило-славский. Его туда поставил Илья Данилыч, царский тесть. Крут был воевода нравом. Много за свою жизнь людей побил и казнил. Жалости не знал, и ничего не боялся. Род-ственник царев. Пока власть была в руках, лютовал нещадно. И теперь, поджидая ра-зинцев, всю жизнь свою перебрал. Знал, что пощады не будет. От стрельцов защиты не ждать, беднота его побоев до смерти не за-будет. Тут тоже надеяться не на что. Каж-дый будет рад воеводе голову снять. И ре-шил Милославский набрать «верных» людей. И такие «верные» люди были.

Прежде всего — дети боярские: им тоже разинцы вряд ли головы на плечах оставят, да дворяне. Им в жизни с разинцами не по дороге. На что им «вольная» земля? Вот эти будут здорово биться. И еще подумал Мило-славский: набрать приказных стрельцов из горожан. Дать им большое жалованье, да кормы посытнее. Тогда не перейдут к разин-цам. Ведь не под помещиком живут!

И Милославский собрал детей боярских,

дворян и приказных стрельцов в Кремль. Стоял Кремль посреди города на горе. Окружен был крепкой стеной. А в другой части города был острог, тоже частью был стеной обведен. И выходило в городе как бы две крепости.

Милославский засел в Кремле с верным войском, а в остроге посадил остальных стрельцов и горожан.

— Защищайте острог, а мы Кремль не отдадим.

Но как только подошел Степан, так симбирцы его сейчас же в острог и пустили.

Зато дворяне в Кремле засели крепко.

А Разин в остроге. Так друг против друга и стояли.

Боярские дети из пушек день и ночь палили, а разинцы им пускали в Кремль красных петухов. Но и те и другие держались. Уж тут дворяне и воевода бились на совесть. За свою жизнь! За богатство! День и ночь на страже стояли и чуть где вспыхнет пожар от разинских переметных огней, тут же его тушили.

Разин был в Симбирске, но разинцы раскинули свои силы по всему Поволжью. Каж-

дый день то в одном, то в другом селе гудел набат, пылали усадьбы ненавистных помещиков, а крестьяне с вилами, палками и топорами разыскивали своих угнетателей, прятавшихся в погреба и подвалы. Москва посылала стрельцов, бояре снаряжали своих «дворовых» людей, но и стрельцы, и дворовые люди скоро переходили к разинцам.

Москва тогда решила собрать все свои силы. Тут уж видно было, что скоро казаки и к Москве будут. И царь об'явил воинский смотр, сбор всех дворян и детей боярских. Для спешного обучения взят был командный состав из иностранцев. Приготовлены боевые запасы. «Пушка гранатом два пуда, а к ней 150 гранат, да пушка гранатом пуд, к ней гранатов сто шестьдесят», и зажигательные ядра, и горючая сера, лен, деготь, деревянные пыжи.

А воеводу Юрия Борятинского царь отправил под Симбирск, на помощь Ивану Милославскому. Дал ему лучших своих стрельцов. За них можно было ручаться, что они не перейдут к разинцам. Борятинский со стрельцами подошел к Симбирску и осадил острог, где сидели разинцы.

С утра в тот день погода была хмурая. Осень, октябрь месяц. Тяжелые тучи нависли над Волгой, и сама Волга темная, как туча. И атаман что-то невесел. Войска много. Может, более 20 тысяч, а толку мало. Каждый в свою сторону тянет. Общего дела не понимают. Татары, мордва, черемисы, — каждый свое ладит. Одному, чтобы с него мёду не брали, другой не хочет для всех вольного казацкого устройства, а прогнать бы помещика, забрать его животы, да тут и остаться. А до других дела нет. И между собой споры. Боярские дети командовать хотят. Не привыкли по-братски.

Хмурится атаман. И хлеба подвозу нет. Пути далекие. А народ все прибывает да прибывает. Да и оружия мало. Целый день куют топоры и сабли. Только и слышно, как бьют молоты по наковальням. Гремят, как пушки. А все мало. Все нехватает. Да иной и пищаль в руки взять не умеет. Трудно таким войском командовать. Бывает, что правой руки от левой не отличат.

А у Борятинского стрельцы обучены. В походы ходили и у немцев перенимали военную науку. Трудно было с разинскими бег-

лыми крестьянами итти в бой, против такого обученного войска. Но отступать уже поздно. Под самым острогом уж стоит Борятинский. За рекой. Моста нет, но он догадался, как перейти. Завалил реку сеном и перевел всех стрельцов. Изо всех сил старался. Знал, что иначе плохо боярам придется.

Загремели пушки с гранатом в два пуда! Такой был бой, что люди друг к другу грудью стояли. И сам атаман Степан Разин впереди. Увидали атамана стрельцы и, как коршуны, бросились на него со всех сторон. Не успели разинцы окружить любимого батьку, как пробился к нему боярский сын, у которого не одну усадьбу сожгли, да и отца без головы оставили. И от ненависти боярский сын жизни не пожалел. Хоть знал, что на смерть идет. Взмахнул саблей и рассек атаману голову. И тут же нашел свою гибель боярский сын. Казаки его на мелкие куски изрубили. А в Разина стрельцы со всех сторон стреляли, и еще две пули попали в атамана. Прострелили ему грудь и ногу. Упал батько казакам на руки. Тесным рядом сомкнулись казаки. Пропадай Симбирск! Только бы батько жив остался. Подхватили батьку, понесли

и заперлись в башне. Там отбивались до сумерок, а потом бегом побежали к Волге, сели на струги и повезли «батьку» в безопасное место.

Все казаки за ним бежали. Осталось войско только из беглых крестьян. Без атамана все смешалось. А Борятинский палил из пушек, стрелял из пищалей. Стрельцы пробивались к Милославскому в Кремль, и скоро разинцы все побежали. Кто в лес, кто на Волгу. Стрельцы за ними. И мало кто из разинцев жив остался. Победа была на этот раз за царем. Но не легка была эта победа. Писал царю Борятинский, что «вор Стенька Разин собрался с казаками донскими, и астраханскими, и с царицынскими, и с саратовскими, и с самарскими, ворами и изменниками, и с татарами, и с чувашами, и с мордвой, и наступал с великими силами. И такой был бой, что люди в людях мешались. И его вора, Стеньку, было живого взяли и рублен он саблей и застрелен из пищали в ногу и едва ушел. А изымал (брал) его Алаторец Семен, сын Степанов, и тот Семен над ним Стенькою убит».

И много еще было убитых и раненых в войске царя, и у разинцев. А еще больше

людей было казнено Борятинским и Милославским после победы. Тут уж они чужих голов не жалели.

Организация разинщины.

Но Симбирском дело не кончилось. Бои происходили везде. Не только с войском самого Разина. Разин поднимал крестьян во всем Поволжье и держал в руках все нити и всем сам управлял.

Делалось это обычно так: Разин посылал от себя атамана в какую-нибудь область. Так, например, послал он от Симбирска казака Максима Осипова и велел ему по городам ездить с письмами (агитками) и забирать в казаки «вольницу» (желающих). Так Разин создавал активную ячейку. А от нее революционное по тому времени движение шло дальше. Ячейка и сама предпринимала некоторые шаги.

Так Максим Осипов берет город Алатырь. Потом он разбивает свое войско на две части. Одна часть идет брать город Арзамас. Атаманом назначается Семен Савельев.

В это же время Разин посылает от себя атамана с войском брать город Саранск, а

этот атаман назначает тоже атаманом «тюремного сидельца» (заключенного) Федора Сидорова и посылает его дальше.

Атаманы указывают в каждой области пункт для сбора недовольных существующими порядками, принимают их там «в казаки» и дают различные поручения по организации восстания.

Когда разинцев собиралось несколько тысяч, они шли в наступление. Они брали приступом села и города. И часто города и села не оказывали никакого сопротивления. Но если бывали наступления и бои, то разинцы обычно вели борьбу организованно. Они устраивали целый ряд оборонительных линий. Они понимали, что одной отвагой и хитростью не всегда можно взять врага. Они делали засеки, копали рвы, перекапывали дороги, делали земляные насыпи и устраивали по дорогам баррикады «из крепкого лесу». Они стерегли перевозы через реки, ставили везде дозоры, чтобы издали видеть царские войска.

Взяв село или город, они сейчас же вводили там казацкое устройство, и победитель-атаман, уходя, оставлял править городом

другого атамана. Все старое правительство сейчас же сменяли,—приказных сажали в тюрьму, духовенство, бояр и воевод казнили.

Осаждали не только города и села. И с монахами приходилось биться.

Недалеко от Нижнего-Новгорода стоял богатый Макарьево-Желтоводский монастырь. Земли у монахов были обширные. И лес, и луга, и пашня, и реки, и озера. И всякие промысла были у монахов. Владел монастырь и крепостными крестьянами. И работали на монахов крестьяне, не покладая рук. А монахи потом хорошо на ярмарке торговали. Нарочно для своих монастырских торгов в Макарьеве устраивали ярмарку.

Были неподалеку от монастыря большие села—Лысково и Мурашкино. Принадлежали они боярину Морозову, царем были подарены. Это были те самые села, куда писал Морозов свои письма, чтобы с крестьян последнее содрать. Там были большие леса. И крестьяне, когда можно было от барщины укорониться, и на себя лесным делом занимались: дуги гнули, чашки, ложки резали, ведра, коромысла делали, рогожи плели, лапти, лыко драли, смолу гнали. И тоже на ярмарку

вой товар доставляли. Но где же им было ротив монахов торговать? Те их во всем заивали. И ненавидели лысковцы и мурашкинцы монахов лютой злобой, как прежде Морозова ненавидели, и всех бояр и помещиков.

Хоть и умер старый боярин и по бездетности его села к царю вернулись, да все крестьянам не легче жить было. И когда присал Степан Разин к ним атамана Максима Осипова, все, как один человек, пошли проив бояр, помещиков и монахов на осаду монастыря. Взять монастырь им не удалось, о много они там пожгли и разорили — и лебопекарни, и мастерские, и кузницы!

Долго помнили разинцев монахи. И до сих пор осталась монастырская запись о «нашествии на обитель от воров и изменников воровских казаков», где писали монахи о том, как казаки и лысковцы приблизились к обители, «с пушками великими, со всяким оружием», начали стрелять, чтобы склонить обитель к сдаче. Грозили всех перебить. Но начальник обители сейчас же послал к царю известие, и на помощь монахам пришли воеводы и царские войска. А тем временем лысковцы и мурашкинцы, пылая злобой, «яко

осы раздраженные нападали» и держали мо-
настырь в осаде с 8 по 22 октября.

Царские войска отбили разинцев, но не-
много погодя они опять осадили монастырь.
Монахи от страха все разбежались и разин-
цам досталась богатая добыча — монастыр-
ская казна. Но царь опять послал воевод
стрельцов на защиту монахов, и разинцам
пришлось отступить. Многие попали в пле-

И тут-то началась страшная расправа.
не только в Лыскове и Мурашкине. Везд
где царю удавалось подавить восстание, н
чинался страшный террор. Правительств
приказывало — «у воров руки и ноги сечь
вешать в городах и уездах по приметным ме-
там». Людей пытали и огнем жгли, били кн
тами, отсекали пальцы, сажали на кол. Ино
да перед этим с позором водили по город

Один иностранец, посетивший Арзам
после усмирения разинского восстания, п
шет, что там текли реки крови, а в ней пл
вали отрубленные головы. Посаженные
кол стонали, рыдали матери казненных, кр
чали пытаемые, плакали дети, лишенные м
терей и отцов. По словам иностранца, «т
шайший» царь казнил 11 тысяч человек.

А пока пылало революционное Поволжье, Разин залечивал свои раны на Дону и организовывал новый поход на Москву. Но, видно, легче было ему бороться с дальними врагами,—боярами и воеводами,—чем с ближними — «домовитыми». Эти были — самые злые враги.

Казнь атамана.

Долго дожидался толстый Корнило Яковлев степановой неудачи. Но тем ярче горела в нем злоба. Злоба «домовитых» против «голутвенных»! И личная ненависть была у Корнилы. Как же! Из-за Стеньки его никто и атаманом не считал. Разин, да Разин. Всем батько! Его, видишь, и пушка не возьмет, и ядро не убьет. А вот теперь и поглядим, что его возьмет.

«Здесь на Дону он у меня в руках. Тут-то я его живым не выпущу... А еще лучше»...— Задумался Корнило...— Еще лучше, Москве выдам. Мне от царя жалованье и почет, а Стеньке — лютая смерть»...

Собрал Корнило Яковлев войско из «домовитых», Захватил Степана и брата его Фрола. Царю выдал.

Рады «домовитые». Небось, теперь конец «голутвенной вольнице»!

И Корнило до самой Москвы провожал Разина с братом. Боялся, что добыча из рук уйдет. Да и сам хотел месть свою видеть. Ехал сзади и все на Стеньку взглядывал. Что, не сладко пришлось? Но Степан и в кандалах не проявлял страха. На Корнилу не взглянул ни разу. Не хотели глаза на предателя глядеть. А с братом Фролом шутил. Утешал. Уговаривал. Унывал Фрол. Жаловался. Упрекал Стеньку. Смерти боялся. Пыток и издевательств царских. А Степан смеялся.

— Чего ты боишься? Вот увидишь, как примут нас царь и бояре. Вся Москва навстречу выбежит и на смерть все проводят. Небось, народу будет не меньше, чем на царских похоронах.

И угадал Степан. Все выбегали поглядеть на атамана. А за несколько верст до Москвы была и царская встреча. Под'ехала телега. А на ней стояла виселица. Царские холопы сорвали со Степана и Фрола бархатные кафтаны и одели их в рваные лохмотья. Потом поставили Степана Разина на телегу в рост, на шею надели цепь и прикрепили цепь к ви-

селище. Ноги и руки приковали к столбам. А Фрола сняли с телеги, приковали цепью и заставили бежать за телегой.

А Москва ждала Разина. Не так думала она его встретит. Но, видно, не сладилось что-то. И мертвым молчанием молчал московский народ, а «тишайший» царь и бояре такие потехи любили. С самой зари от заставы и до Болота, места казни, толпами стояли московские люди.

Были тут и бояре. Для них устроено было особое почетное место. Впереди Илья Милославский, а рядом во всем параде победители — симбирский воевода Иван Милославский, да князь Юрий Борятинский, что Степана под Симбирском повоевал. Был тут и толстый Богдан Хитрово, и смешливый Афанасий Матюшкин, и болтливый Хованский. Радостной злобой горели у них глаза. Наконец-то они разинцев победили! А сколько от воров, да от своих же мужиков страху натерпелись. Сколько сожжено да разграблено! Когда опять столько наживешь?..

А Илья Милославский качал головой и, казалось, думал:

— Эх, жалко, что старик-то Морозов в

могиле! То-то бы поглядел, как бунтовщику голову рубят. Ведь и его, Морозова, села Лысково да Мурашкино против бояр шли. Ну, теперь воровству конец!...

А все-таки опасливо оглядывался боярин. Не встал бы опять народ. Ишь, глазами сверкают! Не пришлось бы опять в погребах хорониться.

Но царь позаботился о боярах. Тройным кольцом иностранных стрельцов окружил и почетное место и место казни. И Данилыч, оглядев кругом вооруженных стрельцов, успокоился.

Палач взошел на высокий помост. Перед казнью долго пытали Степана, но он был тверд, как скала.

Умел жить, надо и умереть уметь. Жгли его каленым железом, били палками по ногам и по голове, истязали кнутами. Он все терпел, как будто сам был из железа. Ни слова, ни звука. Ни стона. Ничего не добился от него «тишайший» царь.

Тогда прочли Степану его «вины».

Громко выкрикивал царский дьяк последнюю «царскую грамоту».

Все тут про Степана было сказано:

«Ты злодей, вероотступник и бунтовщик, донской казак Стенька Разин, оставя страх божий и забыв свой долг и клятву, которой ты обязывался царю»... — тут царь велел все свои звания проставить для острастки другим... — «Ты восстал в 1667 году против его величества, подняв других казаков. Ты причинял великое зло, захватив насады, нагруженные соленой рыбой и солью; ты, злодей, производил грабежи и убийства между Астраханью и Черным Яром и Семена Беклемишева, воеводу, посадил в воду. Когда же из Астрахани были посланы к городу Яику воевода и два русских полковника, то ты обоих полковников повесил»...

Дальше упрекал царь Степана и за набеги на шахову землю, и за его действия на Волге, и за то, что он, Стенька, отступился от церкви, произносил богохульные речи, запрещал на Дону строить новые церкви и править церковные службы, разгонял священников, и, вместо обряда венчания, заставлял ходить вокруг дерева.

Дальше пересчитывал царь всех воевод, от которых Разин избавил бедноту, упрекал его в пользовании царской казной и в том, что

он умел всех поднимать против царя и воевод. И самое последнее—упрекал царь Степана в том, чего сам больше всего боялся и что не удалось выполнить разинцам: в том, что помышлял Разин «погубить» царскую Москву и все Московское царство.

Царская грамота кончалась так:

«А ныне по должности к великому государю службой и радением войска Донского атамана Корнея Яковлева и всего войска и сами вы пойманы и приведены к великому государю в Москву... и за возмущение и клятвопреступничество твое, за разорение и горе, причиненное тобой всей России, великий царь указал и бояре приговорили предать тебя казни — четвертовать»...

Когда читали приговор, тишина была мертвая.

Слышно было, как на деревьях листья шуршали.

Разин не изменился в лице. Был спокоен, как на кругу, как в битвах. Потом поклонился на все четыре стороны. Знал что везде есть товарищи, которые, если не головой, то сердцем на поклон ответят и скажут ему хоть про себя: «прощай, батько».

И Степан сказал народу: «прощайте». Больше ни слова.

Палач подошел. Взмахнул секирой. Отрубил сначала правую руку по локоть, потом левую, потом ноги по колена, как приказал «тишайший» царь, а потом уж и голову, буйную Степанову голову, которая столько лет царю страхом и смертью грозила. Никто с площади не расходился. Долго, долго стоял народ на Болоте. На этот раз царь победил. Он остался сидеть на Москве.

Стенькину голову можно было срубить, да нельзя было порубить мыслей о воле. Везде вспыхивали от них пожары. И долго, долго еще пришлось царю усмирять крестьянские восстания. И только после многих усилий удалось ему пытками, железом и кровью подавить народные восстания.

Разину не удалось победить. Разнородные элементы, участвовавшие в восстании (крестьяне, «инородцы», недовольные мелкопоместные помещики, мелкие торговцы, задавленные поборами богатых, дворяне-неудачники) с различными целями и задания-

ми, не могли сплотиться в одно целое, итти неуклонно к одной общей цели.

Имела значение также и трудность сообщения между восставшими в разных местах, и то, что хлеб был в руках царя. И у него было оружие и обученные войска на жалованьи, связанные с царем своими классовыми интересами.

Но все же, в истории революции эти красные страницы борьбы за раскрепощенное крестьянское хозяйство не прошли даром. И имя Степана Разина надолго осталось в памяти крестьян, как любимого вождя, борца за вольность, и врага боярского правительства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 30 коп.

[redacted]

№ 4-6 (288-290)

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению Издательства политкаторжан — Москва, ГСП — 10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазину Издательства политкаторжан „Маяк“ —

